

Валерий ГОРШКОВ

ДИСКЕТА МЕРТВОГО ГЕНЕРАЛА

Валерий Сергеевич Горшков

Дискета мертвого генерала

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119035*

Аннотация

Созданная еще в советское время, засекреченная лаборатория, занимается разработкой программ насильственного вмешательства в деятельность человеческого мозга с целью последующего полного контроля над поступками человека. С распадом Советского Союза хозяева лаборатории меняются. В страшном оружии психологического воздействия заинтересованы высшие чины ФСБ с одной стороны и верхушка теневой экономики – с другой. Главный герой романа волею обстоятельств ставший обладателем дискеты с программой, попадает в эпицентр чудовищной борьбы.

Содержание

1	4
2	24
3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Валерий Горшков

Дискета мертвого генерала

События, описанные в романе, являются исключительно плодом моей фантазии. Любые совпадения фамилий, времени и места действия, а также параллели с имевшими место реальными событиями следует считать случайными.

1

Отсчет шел уже не на часы, а на минуты. А вполне возможно, что и на секунды.

Внешняя охрана неожиданно обнаружила странные передвижения в непосредственной близости от охраняемого объекта. Началось с того, что один из наблюдателей, на мгновение отвлечшийся на прикуривание сигареты, поднял глаза и заметил почти неуловимое изменение ландшафта. Он попытался воспроизвести в памяти недавнюю картину и сравнить ее с той, что была сейчас перед ним.

На прилегающей к объекту десятиметровой зоне на первый взгляд не было никаких передвижений. Все тот же тщательно перепаханный грунт, очень напоминающий приграничную нейтральную полосу. Там, где заканчивалась контрольная зона, плотной стеной возвышался хвойно-лиственный лес, отделенный от зоны полосой плотных кустов. Наблюдатель – профессионал своего дела, и малейшее движение на контрольной территории не проскочит мимо его когтитого взгляда незамеченным. Он сразу же про себя отметил, что два зеленых куста, растущих возле толстого ствола могучей ели, стали ближе друг к другу на несколько сантиметров, словно один из них был придавлен чем-то тяжелым.

Не поверив своим глазам, уставшим от шестичасового напряжения, наблюдатель прибег к помощи бинокля и спустя секунду почувствовал, как вдруг взорвалось и бешено застучало его сердце. Из-за зарослей можжевельника в сторону обзорной вышки нагло уставились два стеклянных «глаза». Где-то там, посередине вспаханной контрольной полосы, пересеклись траектории усиленных мощной армейской оптикой взглядов. В какую-то секунду застывшему от неожиданности бойцу показалось, будто он может, без риска ошибиться, определить цвет смотрящих на него сквозь другой бинокль глаз. Пытаясь быстро скрыться, притаившийся человек допустил еще один промах. Он задел куст, который тут же, как ему и положено, ответил на прикосновение инородного тела трепыханием зеленых веток.

И рука бойца специального подразделения охраны секретного объекта КГБ «Золотой ручей» моментально выхватила из-за пояса черную портативную рацию...

Сигнал тревоги застал меня в оружейной комнате здания взвода охраны. С тех пор как полностью прервалась связь, я снова ощутил давно забытое чувство страха. Не боится тот, кто никогда не умирает. Я же, несмотря на майорские погоны и богатый боевой опыт Анголы и Афганистана, был самым обычным человеком. Уже шесть лет я не знал ничего подобного, с тех пор как в последний раз в жизни – хотелось бы в это верить – пересек реку Пяндж. Сегодня все было иначе. Чувствую, как выбрасываются в кровь одна за другой порции адреналина, как начинает напряженно пульсировать в висках, а снова взятый в руки автомат Калашникова вызывает лишь воспоминания о давно минувших днях, когда на вытертом до блеска деревянном прикладе мы ставили острым сверкающим клинком маленькие засечки.

– Что случилось, Андрей?.. – Он мог даже не отвечать на мой вопрос. Я уже заранее знал, что невидимый рефери все-таки ударил в свой дьявольский гонг.

– Товарищ майор, на границе контрольной территории замечен наблюдатель! Ведет себя очень скрытно, но я все-таки обнаружил его по отражению «стекляшек».

– Так... – Я почувствовал, как едва заметно закололо кончики сжимающих рацию пальцев. Сообщение Герасимова, полученное мной только час назад, все-таки подтвердилось. – Объявляю общую тревогу!.. По коням, ребята. Даст Бог – отстреляемся...

Я выключаю рацию, засовываю ее за пояс рядом со спутниковым телефоном и с огромным трудом перевожу участвовавшее дыхание. Ну вот оно, началось... Хотя, если быть объективным до конца, все началось раньше, со звонка по «вертушке» из Главного управления КГБ. Это было ровно час назад, минута в минуту.

– Бобров?

– Да, слушаю. Кто говорит?

– Заместитель начальника Управления генерал-лейтенант Герасимов.

– Здравия желаю, товарищ генерал! – привычно отрапортовал я.

– Как у вас обстановка? – В голосе зама чувствовались тревожные нотки. Генерал явно волновался.

– Полный порядок. Что там в Москве? – закинул я удочку. Но поклевки не последовало.

– Приказываю принять повышенные меры безопасности, – генерал перешел на командный тон. – Все пропуска отменяются. Персонал Центра, согласно инструкции девять, временно становится невыездным до специального уведомления. По любому постороннему объекту, при попытке приблизиться к охраняемой территории, незамедлительно открывать огонь на поражение. Генерал-майор Крамской с вами?

– Да, он на объекте.

– Я звонил ему, но телефон почему-то не отвечает. – Герасимов на секунду замолчал. Я слышал лишь его тяжелое дыхание, доносящееся с той стороны линии. – Хорошо. Ждите дальнейших указаний от меня или от начальника Главного управления. До сих пор строго следовать приказу. К нам поступила срочная оперативная информация о том, что возможна попытка проникновения на охраняемую территорию. Скорее всего это ерунда. Но все-таки существует инструкция. Вам все ясно, майор Бобров?

– Так точно.

– Обо всем подозрительном, чего бы оно ни касалось, немедленно сообщайте прямо мне. До свидания...

Я положил трубку на рычаг и откинулся на спинку кресла, про себя усмехаясь. Герасимов, наверное, перегрелся там, у себя в кабинете. И на моем усталом от дежурства лице появилась легкая улыбка. Несколько минут я прокручивал в голове полученное из Управления приказание, а затем встал, смял оказавшуюся пустой пачку из-под сигарет и вышел из кабинета.

Ровно пять лет я был начальником охраны «Золотого ручья», и за все это время на объекте не было ни единого ЧП. И я не видел причин, по которым оно должно случиться. Даже если принять во внимание чрезвычайные события, вот уже ровно сутки происходящие в раскалывающейся на куски стране.

Оказалось – ошибался.

* * *

Экспериментальный исследовательский центр располагался прямо посередине прямоугольника «Золотого ручья». Это было отдельно стоящее на территории здание совершенно белого цвета, с непрозрачными окнами, автономной системой жизнеобеспечения и сверхстрогой пропускной системой даже для режимного объекта. Полноправными хозяевами «Белого дома», как по аналогии с Домом правительства прозвали его мои ребята, явля-

лись профессор медицины Славгородский и генерал-майор КГБ Крамской. Согласно установкам Крамского охрана была размещена таким образом, что никто из моего взвода никогда не оказывался по ту сторону контрольного пункта, где все входящие и выходящие неизменно проходили через «саркофаг» – место идентификации работающего в «Белом доме» персонала. Что там с ними вытворяли, я не знаю, известно только, что все без исключения должны были при прохождении «саркофага» в обе стороны раздеваться догола, оставлять одежду на стенде, где она автоматически проверялась на наличие инородных тел, не разрешенных к вносу и выносу предметов, а сам человек закрывался в похожей на рентгеновский аппарат кабине, где пребывал в течение трех минут. Затем выходил оттуда, принимал душ и следовал дальше – внутрь здания или наружу. Право прохода на объект без процедуры посещения «саркофага» имели только генерал и профессор. Но и им приходилось вставлять в автоматический турникет свою персональную пластиковую карточку.

Дополнительной привилегией «Белого дома» был беспрепятственный и бездосмотровый проезд на территорию и обратно обслуживающего здание черного микроавтобуса «Додж». Кто сидел у него за «баранкой», что перевозилось внутри – можно было только догадываться. Но, судя по внешнему виду, «Додж», несомненно, был бронирован. Уж чего-чего, а отличить обычную консервную банку от спецтехники я могу в считанные секунды.

Чем занимались в «Белом доме»? На сей счет у меня уже сложилось вполне конкретное мнение, но и оно являлось всего лишь результатом пяти проведенных в «Золотом ручье» лет. Дело в том, что я не имел права доступа в сам Центр. Но первое, на что я обратил внимание сразу же после назначения на новую должность, это были сами сотрудники Экспериментального исследовательского центра, принадлежащего Главному управлению КГБ и расположенного среди глухого леса, в двух десятках километров от автотрассы Санкт-Петербург – Москва...

Иногда мне казалось, что все они какие-то неживые. Нет, это были самые настоящие люди из мяса и костей и, уж тем более, мозгов. Но вот глаза меня настораживали. Вы когда-нибудь видели человека, у которого вместо выбитого глазного яблока стоит протез – бесполезная стеклянная болванка, сделанная под заказ в точном соответствии с живым, уцелевшим собратом? Несмотря на все старания специалистов от офтальмологии, разница между оригиналом и подделкой замечается практически моментально. Нечто похожее я всегда испытывал, глядя на сотрудников ЭИЦ. Хотя очень может быть, что из-за своей профессиональной подозрительности я слишком предвзято смотрю на вещи. Впрочем, все люди, «завернутые» на привычном деле, выглядят одинаково.

Всем мои знания об особо секретном объекте ограничивались лишь кругом обязанностей начальника охраны. Я совершенно точно знал, что в здании имелись полностью автономная система жизнеобеспечения, сложная система внутренних коммуникаций и прямая спутниковая связь с ГУ КГБ, а также приписанный к нему и находящийся в крытом ангаре небольшой четырехместный вертолет «Робинсон» американского производства. Им почти никогда не пользовались, за исключением профилактических получасовых полетов один раз в месяц. Тогда по разовому пропуску на территорию «Золотого ручья» привозили летчика из дислоцировавшегося в пятидесяти километрах к югу авиационного полка. Он проверял состояние «вертушки», заполнял контрольные баки, а затем поднимался в воздух. И все это – в сопровождении двух бойцов из взвода охраны. Все остальное время вертолет тихо спал под сшитым из легкой парашютной ткани пылезащитным чехлом.

И неизвестно, сколько еще времени я бы пребывал в неведении относительно истинного предназначения «Золотого ручья», если бы месяца четыре назад совершенно случайно не подслушал разговор Крамского со Славгородским.

Они стояли возле бронированного «ЗИЛа» генерала и тихо беседовали. И не заметили, как рядом появился я.

– ...совсем плохо ему. Что будем делать? – поинтересовался генерал, стряхивая на асфальт пепел сигареты.

– Будем менять код. Как только жареным запахнет, он сразу застрелится. Оружие-то всегда при нем, – деловитым тоном ответил психиатр. – Так-то оно лучше будет.

– И с Минфином нужно поработать, – предложил Крамской. – Позвоню его врачу, пусть настоит на двухдневном отпуске. Сделаете?

– Почему нет? – пожал плечами врач. – Везите. Его тоже на пистолет?

– Об этом нужно подумать, – генерал почесал гладко выбритый подбородок. – У Нипей-воды нет при себе оружия, – лицо Крамского несколько оживилось. – Что можешь предложить?

– Не волнуйся, Саша, определим его как родного! – Психиатр тихо засмеялся. – Кстати, как насчет моей просьбы относительно доктора Прохорова из вашего подшефного института? У меня на него все документы готовы, лежат в сейфе. Олег Данилович старый стал, пользы от него почти никакой.

– Вот месяцев через шесть и обсудим. Надо к парню этому получше присмотреться, – уклончиво парировал генерал, но после добавил: – Ладно... Готовь Олега Даниловича. Хорошую пенсию его семье я тебе гарантирую.

– Спасибо, Саша, – Славгородский благодарно кивнул. – Очень интересный специалист, этот Вадим Витальевич... Он мне пригодится... – И тут психиатр заметил меня. Он сразу же изменился в лице и осторожно толкнул в бок Крамского: – В чем дело, майор?! Вы что, подслушиваете?!

Генерал отреагировал на слова врача, как разжавшаяся пружина. Нет, он даже не обернулся – он дернулся с такой силой, будто его в самую лопатку ужалил скорпион. Лицо Крамского моментально побелело, затем побагровело, а после вновь вернулось в нормальное человеческое состояние. На все это хамелеонство ушло не более пяти секунд, но на такую перемену мимики трудно было не обратить внимание.

– Майор, в чем дело? – почти дословно повторил вопрос Славгородского генерал.

– Товарищ генерал, я хотел поговорить с вами насчет вертолета... – выпалил я первое, что мне тогда пришло на ум. Делать нечего, теперь придется доказывать, что ты не верблюд. И не ставил целью специально подслушивать «барские» разговоры.

– Что с вертолетом? – Брови Крамского приблизились к переносице. – Проблемы?

– Никак нет. Просто я хотел бы предложить один способ улучшения режимной обстановки на охраняемой территории, – у меня в голове моментально созрела грандиозная, а главное, действительно дельная «отмазка». – Насколько вам известно, каждый месяц для профилактического полета на «вертушке» мы вызываем из авиационного полка чужого человека, летчика-профессионала. Вот я и подумал, а зачем нужно прибегать к услугам постороннего, если всю его работу можно выполнять самостоятельно? Как-никак, я ответственный за режим и должен думать над вопросами доступа на объект как можно меньшего количества людей с разовыми пропусками.

– У вас, майор, есть люди, способные взять на себя такую работу? – Крамской заметно расслабился и таким же успокаивающим взглядом посмотрел на профессора Славгородского: «Все в порядке».

– В учебке ДШБ меня многому научили, в том числе и управлять вертолетами. Правда, с тех пор прошло много времени, и там я летал на других, советских, но думаю, что и с этой американской «стрекозкой» справлюсь без проблем, – уверенно ответил я.

– Ну... хорошо, давайте, – пожав плечами, согласился генерал, бросил на асфальт выкуренную сигарету и раздавил ее носком до блеска начищенного коричневого ботинка. – Только для начала тот офицер из авиаполка должен постажировать вас пару-тройку поле-

тов. – Крамской посмотрел на психиатра. Тот недвусмысленно показывал на часы. Пора было ехать.

– Да, сейчас, – кивнул генерал и еще раз взглянул на меня. – У вас еще что-то ко мне?

– Никак нет, все, – как и положено в такой ситуации, я отдал честь и проводил взглядом усаживающегося в бронированный лимузин «ЗИЛ» Крамского.

– Можете быть свободны, майор, – равнодушно выдохнул генерал и захлопнул массивную дверцу «членовоза». Машина почти неслышно завелась и тронулась с места.

Мало-помалу я начинал понимать, что же на самом деле скрывается за красивым официальным названием объекта «Золотой ручей», почему территория в пять с небольшим гектаров, со всех сторон окруженная распростершимся до самой линии горизонта вековым лесом и соединенная с внешним миром только узкой грунтовой дорогой и спутниковой телефонной связью, так тщательно охраняется и к чему все эти «саркофаги», электронные турникеты с пластиковыми карточками, дезинфекция всяк туда входящего, и почему для обеспечения охраны объекта, о существовании которого, как я предполагал, даже в спецслужбах знали всего несколько избранных сотрудников, необходимы двадцать человек отборных профессиональных «бультерьеров», каждый из которых стоит десяти морских пехотинцев или целого взвода ОМОНа!

Шесть лет назад, когда «Золотой ручей» представлял собой всего лишь законсервированный на случай военных действий командный пункт Верховного Главнокомандующего, в подчинении предыдущего начальника охраны находилось не более десяти человек обычных солдат войск КГБ, которых ни при каких обстоятельствах нельзя сравнить с моими нынешними.

Я почувствовал, как голова моя начинает медленно трещать по швам. Обилие поступившей информации и ее постоянное прокручивание в извилинах порядком перегрузило нервы.

«Будем менять код... Как только жареным запахнет, он застрелится... С Минфином нужно поработать... Пусть врач настоит на двухдневном отдыхе... Нет при себе оружия... Ничего, что-нибудь придумаем...»

И это всего-то один-единственный обрывок разговора!

Настало время пересмотреть свое мнение о тихом затерянном местечке с живописной природой и красивым русским названием.

С того дня я стал более внимательно присматриваться ко всему, что касалось Центра. К грязи на крышах бронированного микроавтобуса, выражению лиц работающих там людей, к частоте визитов генерала, их продолжительности и связи с каким-то конкретным событием. В своем необузданном стремлении узнать настоящую правду я нередко действовал «на грани фола», так как не имел необходимого доступа к тщательно скрываемой тайне. Но в конце концов мне все-таки удалось соединить отдельные, ничего не обозначающие обрывки информации в четкую и ясную картину.

Через несколько месяцев я уже знал: под моей охраной находился едва ли не самый секретный объект Комитета государственной безопасности – лаборатория разработки психотропного оружия.

Когда неожиданный звонок из Москвы растормошил годами устоявшийся размеренный ритм расположенного вдали от цивилизации секретного объекта, «Золотой ручей» представлял собой почти неприступную крепость с трехметровым металлическим забором, постоянно находящимся под напряжением в полторы тысячи вольт, четырьмя восьмиметровыми наблюдательными вышками с пуленепробиваемыми стеклами и круглые сутки несущими охрану бойцами отдельного спецподразделения «Тайфун», по сравнению с которыми ребята из «Альфы» казались просто лопоухими щенками. И трудно было поверить, что однажды настанет день, когда какой-то безумец рискнет предпринять хорошо подготовлен-

ную и поражающую своей дерзостью попытку вооруженного захвата территории «Золотого ручья».

* * *

Покинув кабинет сразу же после звонка генерала, я спустился на первый этаж в надежде найти в закромах столовой стакан холодного апельсинового сока и пачку сигарет. Но, проходя мимо настежь открытой двери узла связи, я с удивлением обратил внимание на показавшееся странным поведение дежурного. Он отчаянно дергал клавишу отбоя на телефонном аппарате прямой связи с ГУ КГБ, то и дело прикладывая трубку к уху и что-то тихо бормотал себе под нос. Впервые на его памяти линия не работала! Вместо длинного непрерывного гудка была лишь абсолютная, без единого постороннего звука, мертвая тишина.

Я остановился в дверях и молча наблюдал за его действиями. Я не верил своим глазам!

Дежурный тем временам оставил в покое «вертушку», быстро взял с «базы» телефон спутниковой связи и начал лихорадочно давить на все кнопки подряд. Но результат был точно таким же, что и раньше – вместо длинного непрерывного гудка сквозь наушник пробивался только отвратительный, режущий слух треск заглушающих помех. Случайности здесь быть просто не могло, потому что не могло быть никогда. Это означало лишь прискорбный факт, что кабель прямой связи с Москвой кем-то только что перерезан, а в непосредственной близости от «Золотого ручья» работала одна из новейших передвижных установок системы «Капкан». Это было ЧП.

Всего несколько секунд понадобилось сержанту, чтобы оценить внезапно возникшую непредвиденную ситуацию, затем его крепкая рука легла на трубку внутренней связи. Сержант звонил в мой кабинет. В этом уже не было необходимости, так как я моментально оказался рядом с дежурным. Еще раз молча проверил все линии, вспоминая о том, что всего две минуты назад разговаривал с генералом из Главного управления, и спустя пятнадцать секунд окончательно убедился в полном отсутствии внешней связи. Как аналоговой и служебной, передающейся по проводам, так и спутниковой, намертво заблокированной сильным генератором помех, который не мог находиться дальше, чем в полутора километрах от «Золотого ручья».

«Предсказание» Герасимова начинало сбываться гораздо быстрее, чем я мог себе представить, если вообще верил, что оно сбудется.

– Включай общий сбор! – быстро приказал я сержанту, и он, словно ребенок, уставился на меня непонимающими глазами. Парень не сомневался, что я объявлю общую тревогу. Пришлось объяснить, почему я этого не сделал.

– При объявлении общей тревоги начинают громко выть ревуны не только во всех помещениях объекта, но и снаружи. Совсем не обязательно раньше времени сообщать о том, что мы уже в курсе. Будем считать, что телефонами мы еще не пользовались...

Через полторы минуты все бойцы спецподразделения «Тайфун» уже находились в длинном коридоре на первом этаже корпуса охраны, возле оружейной комнаты с арсеналом и помещения дежурного по связи. Тремя предложениями я ввел своих тренированных «доберманов» в курс дела и заметил, как на лицах бойцов словно застыл расплавленный воск – из обычных веселых парней, еще мгновение назад спокойно играющих в шахматы или смотрящих телевизор в комнате отдыха (который, кстати, тоже перестал показывать одновременно с началом работы генераторов «Капкана»), они прямо на глазах превращались в тех самых профессионалов, о которых мало говорят и еще меньше пишут в книжках. Их жизнь на девяносто девять процентов проходит вдали от устоявшихся в обществе правил и понятий. Среда их обитания – «зона zero», в которую посторонним вход запрещен.

Я достал из кармана сигарету, позаимствованную у дежурного, сжал ее губами и раскурил, несколько раз выпустив через ноздри клубы густого синеватого дыма. Я впервые за пять лет демонстративно нарушал инструкцию. Но, черт побери, какое же все это дерьмо!

– Я не знаю, кто это, – бесстрастно констатировал я, прохаживаясь взад-вперед перед строем. – Все вы в курсе проклятой возни, происходящей сейчас в стране. Мне глубоко наплевать на нее, но охренеть до такой степени, чтобы отключить связь и поставить «заглушку»!

Сжимающие сигарету пальцы едва заметно дрожали. Мне всегда было противно, когда бойцов спецподразделений представляли как безмозглых и бесстрашных зомби, «отмороженных» настолько, чтобы вообще не реагировать ни на что, кроме команды «Убивай!». Все это полный бред. И страх на лицах многих из стоящих сейчас передо мной высоких крепких ребят в черной форме еще раз доказывал истину – не боится тот, кто не живет. Мы все пока еще жили.

– Возможно, этим и ограничится, – продолжил я, беспокойно поглядывая на пристегнутую к поясу рацию. – Но мне кажется, что все-таки нет... – Я сделал глубокую затяжку, на секунду задержал в легких едкий сигаретный дым, а потом с силой выдохнул его в сторону строя. – Сейчас всем получить оружие и рассредоточиться по периметру, согласно режиму номер один. Саблин...

– Да, товарищ командир, – отозвался светловолосый старлей, мой единственный настоящий друг, вместе с которым несколько лет назад мы поливали свинцом засевших в горном ущелье «воинов ислама». Саша был моим заместителем. В верхнем ящике моего письменного стола уже двое суток лежал подписанный министром приказ о присвоении ему звания «капитан». Второго сентября у Саблина намечался день рождения, и я решил специально побережь эту долгожданную новость еще несколько дней.

– Возьми двух человек, пару ручных гранатометов и отправляйся на крышу гаража. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Саблин секунду подумал, а потом медленно опустил веки в знак согласия. Если, как и предупреждал генерал Герасимов, все-таки будет предпринята попытка захвата «Золотого ручья», то, пусть теоретически, сделать это возможно только двумя способами. Первый – вертолетный десант, что практически не имело шансов на успех, так как мы расстреляли бы всех захватчиков еще до соприкосновения подошв их ботинок с территорией объекта. Второй – это мощным тараном или направленным взрывом проломать ограждение в любом месте периметра, а уже затем, под прикрытием техники, проникнуть внутрь территории. Самым подходящим для этого местом были раздвижные ворота «Золотого ручья», единственная гибкая секция во всем, опоясывавшем площадь в пять гектаров, трехметровом бетонно-металлическом заграждении.

– Вопросы? – Я внимательно оглядел строй, но не нашел ни одного признака того, что мои слова кто-то не понял. – Если нет, то немедленно в арсенал. Всем брать по три боекомплекта и перевязочный пакет. Через две минуты доклад о готовности от командиров пятаков.

Я быстро дал команду дежурному сержанту отключить сигнализацию, первым прошел в оружейную комнату, взял со стенда свой «АКМ», достал из зеленого деревянного ящика две ручные гранаты, прихватил несколько магазинов с патронами и, отойдя в сторону и пропуская стремительно экипировавшихся бойцов, рассовал боекомплект по кармашкам на поясе. Затем повесил автомат на плечо, встал возле входных дверей и внимательно наблюдал, как поспешно превращались в рейнджеров еще совсем недавно непринужденно представляющие фигуры на шахматной доске или рассказывающие друг другу анекдоты про Петьку и Василия Ивановича плечистые парни. На их каменных лицах я видел решимость и азарт. И я готов был поклясться, что кое-кто из бойцов «Тайфуна» молит Бога о том, чтобы

заварушка все-таки началась. Болезнь, вызывающая жажду войны и получившая название «Афганский синдром», – вот что это было такое. Они уже не могли жить без постоянного чувства опасности. И даже еженедельные пятичасовые тренировки по системе «спецназ», выматывающие до дрожи в коленях и поистине смертельной усталости, были для пораженных этим «вирусом войны» всего лишь жалкой сублимацией, только на время заглушающей намертво засевшую в сознание жажду крови.

И вдруг я услышал слившийся в одну дьявольскую какофонию звук четырех, одновременно пронзительно засигналивших раций. Система экстренного оповещения была замкнута на командирах пятерок и начальнике охраны. Все мы в данный момент находились или в оружейной, или рядом, в коридоре. Я почувствовал, как по моей спине ледяной волной пробежал смертельный арктический холод.

Я готов был поклясться, что уже знаю, что именно сейчас скажет кто-то из ребят, стоящих на одной из наблюдательных вышек.

– Командир, – я выхватил рацию и включил связь.

– Говорит второй пост! – почти прокричал караульный. Голос его был резким, дыхание – прерывистым. Прорвавшийся из зажатой в моей руке портативной рации, он эхом разнесся по всему помещению оружейной. И я увидел, как мгновенно напряглись мускулы на лицах экипировавшихся рядом со мной бойцов. – Товарищ майор, на границе контрольной территории замечен наблюдатель! Ведет себя очень скрытно, но я обнаружил его по отражению «стекляшек»...

– Так... – Я почувствовал, как моментально закололо кончики сжимающих рацию пальцев. – Объявляю общую тревогу! По коням, ребята. Дай Бог – отстреляемся... – И, сорвав с плеча автомат, я бросился в сторону выхода из серого двухэтажного здания охраны, стоящего в совершенно противоположной от КПП объекта стороне. Согласно схеме один я должен был немедленно встретиться с шефом Экспериментального исследовательского центра генералом Крамским. Об остальном позаботится Саблин.

Дежурный сержант слышал весь разговор с караульным. И в следующую секунду над территорией «Золотого ручья» пронзительно взвыл вызывающий мурашки по всему телу ревун сигнала общей тревоги. Со всех окрестных деревьев моментально взлетели птицы и с громким криком устремились прочь от внезапно испугавшего их дьявольского звука. Больше не имело никакого смысла делать вид, будто охрана секретного объекта еще не заметила работу «Капкана», перерезанный кабель и скрывающегося в лесу наблюдателя.

Я так и не успел добежать до здания Центра, когда снова засигналила рация. На этот раз все было гораздо серьезней. Сразу двое караульных заметили в лесу передвижение вооруженных людей в камуфляже. Ровно через две секунды двое других, чьи вышки располагались со стороны ворот и КПП, сообщили, что по направлению к «Золотому ручью» на большой скорости движется автомашина «Урал». Она неслась по единственной, ведущей к объекту грунтовой дороге, поднимая за собой облако черной пыли, и не принадлежала к числу машин, которым был разрешен въезд на территорию охраняемого секретного объекта. Я тут же включил передачу и что есть силы прокричал, обращаясь к Саблину, который вместе с двумя бойцами из своей пятерки к тому времени уже должен был занять позицию на крыше гаража, находящегося всего в пятнадцати метрах от ворот:

– Саша!!!

– Я в курсе, командир, – спокойно ответил он. – И знаю, что нужно делать. Все будет в порядке...

– Он не должен выбить ворота!!! Ты меня понял?!! – Я почувствовал, как к горлу подкатывается сдавливающий дыхание ком.

– Я уже держу его на прицеле. Считай до тридцати и наслаждайся фейерверком, – так ответить мог только Саблин.

Когда тяжелый армейский «Урал», несущийся на скорости не менее девяноста километров в час, уже отделяло от ворот всего двадцать – двадцать пять метров, в его правый бок одновременно ударили сразу два гранатомета типа «муха». Бензобаки взорвались мгновенно, с оглушительным ревом разметав на десятки метров вокруг покореженные обломки металлического крытого кузова. Загорелись несколько растущих возле дороги деревьев. Машину кинуло в сторону, развернуло поперек дороги, но все еще тянуло вперед. Ни удар двух гранат, ни взрывная сила воспламенившихся топливных баков не смогли полностью погасить инерцию ускорения, уже набранную «Уралом» во время разгона. К тому же масса тяжелого армейского вездехода была слишком внушительна. Словно пылающий огненный дьявол, он с оглушительным грохотом врезался в раздвижные автоматические ворота. Стальной каркас не выдержал – оторвался от бетонных столбов, вывернув наизнанку тридцатисантиметровую арматуру креплений, и двухтонный прямоугольник ворот вместе со всей рамой с мощью парового молота обрушился на землю. «Урал», наткнувшийся на препятствие, с глухим скрежетом перевернулся на бок, пропахал на асфальте пятиметровую борозду и застыл, похожий на только что появившегося из преисподней дьявола. Языки пламени лизали его раскаленное докрасна железо, высоко в небо, словно смерч, поднимался густой черный дым от кипящих в пламени покрышек. Ворота были выбиты, но взорванный вездеход полностью перегородил образовавшуюся дыру. От огня шел нестерпимый жар, смертельный для всего живого. Пройти через КПП, как и за минуту до неудачно завершившегося тарана, было по-прежнему невозможно. Разве что в серебристом огнеупорном комбинезоне, но это абсурд.

– Отлично, Саша, молодец! – прокричал я в рацию, все еще не сводя глаз с полыхающего как факел, рядом с поваленными воротами, вездехода. Я хотел сказать еще что-то, но то, что случилось в следующее мгновение, начисто отняло у меня дар речи.

Увы, «мухи» были не только у нас.

С интервалом в несколько секунд все четыре наблюдательные вышки «Золотого ручья» были буквально стерты с лица земли выпущенными по ним из гранатометов зарядами. Полыхнув ярким оранжевым пламенем, они разлетелись на тысячи бесформенных обломков, взметнувшись в воздух, а затем словно адский дождь обрушившихся на землю. Около северо-западной вышки полыхнули старые бочки из-под мазута. И практически везде начала стремительно воспламеняться высушенная палящим августовским солнцем трава. Над «Золотым ручьем» медленно поднималось в небо гигантское облако дыма.

В тот момент мне показалось, будто я медленно схожу с ума. Отвыкшая от восприятия таких страшных картин психика отказывалась понимать происходящее прямо на моих глазах. Я вдруг осознал, что только что погибли, даже не успев ничего понять, четверо наших ребят. Им всем было не больше двадцати двух... Какая-то неведомая сила сбила меня с ног, уронила на колени и заставила отчаянно закричать, словно попавшего в медвежий капкан волка. На глаза навернулись слезы, а пальцы смертельной хваткой вцепились в траву, царапая ее в бессильной злобе и вырывая с корнем.

Со всех сторон началась оглушительная стрельба. Я поднялся с колен, схватил лежащий на земле автомат и, скрежеща от злости крепко сжатыми зубами, рванулся в ближайшую от меня сторону, откуда доносился пронзительный треск автоматных очередей. Трое моих бойцов, расположившихся на крыше старого автобуса «ЛиАЗ», еще с незапамятных времен стоящего на территории объекта рядом с ограждением, поливали свинцовым ливнем расположенный напротив забора лес. Оттуда велась точно такая же массированная ответная стрельба.

Я, как вихрь, ворвался внутрь автобуса через вечно открытые заржавевшие двери, вскочил на оборванное донельзя сиденье, схватился руками за края зияющего в крыше отверстия от люка, подтянулся и забрался наверх. «ЛиАЗ» стоял боком к забору возле четырех толстых

сосен, укрывшись за которыми бойцы «Тайфуна» планомерно разряжали «магазины» в сторону находящихся где-то в лесу «камуфляжных».

Прижимаясь плечом к коричневой, местами уже вырванной пулями коре вековой сосны, я моментально уловил мелькнувшие за деревьями тени. Автомат сам собой прыгнул в боевое положение, а указательный палец сильно надавил на курок. В пульсирующих от бешеного пульса висках загрохотали чугунные молоточки, «АКМ» дрогнул, из ствола вырвалось ярко-белое пламя. Я видел, как в двадцати метрах от меня размашисто сыпались к подножиям стволов скошенные пулями зеленые ветки...

Наконец я услышал самый приятный для меня в этот момент звук – где-то в том месте, куда только что я разрядил половину «магазина», раздались пронзительные крики, переходящие в нечеловеческий надрывный вопль. Я так давно не стрелял по живым мишеням, что уже начал забывать, какой мощный допинг представляет собой крик поверженного врага! Дьявольский холодный азарт овладел мной. Нащупав в кармашках поясного ремня ручную гранату, я метнул ее прямо туда, откуда доносился вой. В следующее мгновение раздался глухой взрыв, в котором на время потонули доносящиеся со всех сторон выстрелы, и мои уши едва не свернулись в улитку от толкнувшей в барабанные перепонки ударной волны. После взрыва гранаты ответная стрельба на нашем участке прекратилась, и, выпустив для верности еще несколько очередей, ребята перестали давить на курки. Где-то за кустами мелькнула неясная тень, а потом наступила тишина.

– Дайте кто-нибудь закурить, мать вашу за ногу! – Я повернул взмокшее от напряжения лицо к стоящему в метре от меня бойцу и перевел учащенное дыхание. – Перерыв!..

Володя Борисевич нацепил «калашникова» на плечо, достал из помятой пачки две сигареты, быстро прикурил от пластмассовой зажигалки и протянул одну мне. Я курил так, словно перенес зверскую антеникотиную пытку – глубоко, до боли в ребрах, втягивая в легкие горький дым дешевой украинской «Ватры».

– Где ты взял эту гадость?!

– Нормальные сигареты, – прохрипел в ответ Борисевич, пожимая плечами. – Из дома прислали!..

– Ну, ты даешь... хохол! – Быстро утолив жажду, я выкинул «бычок» и осторожно выглянул из-за ствола толстой сосны.

Тихо. Тишина была везде. В горячке я даже не заметил, когда отзвучал последний выстрел. Слышался лишь треск сгорающего возле КПП «Урала» и приглушенные голоса находящихся на крыше гаража бойцов второй пятерки. Где-то там должен находиться Саблин. Я не мог его видеть, так как между нами было пустующее здание, построенное, вероятно, еще при царе Горохе и до сих пор не нашедшее применения. «Золотой ручей» появился на секретных воинских картах пятнадцать лет назад, шесть лет назад – пропал, одновременно с передачей законсервированного объекта на попечение «конторе».

Неожиданно засигналила пристегнутая к поясу рация, и я узнал голос генерала Крамского. Начало заварушки застигло его в здании Центра, и генерал явно не горел желанием схватить в руки оружие и броситься на помощь взводу охраны.

– Бобров, ответьте!.. – настойчиво вызывал «кагэбэшник». Когда я включил связь, голос Крамского принял более заметный командный тон: – Немедленно жду вас в здании Центра! Слышите, майор?! Немедленно!! Это приказ!!!

– Коз-з-ел... – непроизвольно вырвалось у меня, когда я вешал на плечо автомат и спрыгивал с крыши старого ржавого «ЛиАЗа». По дороге до «Белого дома», которую я покрывал исключительно бегом, связался по рации с командирами пятерок и узнал о полученных еще тремя нашими ребятами серьезных ранениях. Убитых не было, если не вспоминать о погибших ужасной смертью, буквально разорванных на куски четырех бойцах, находившихся на наблюдательных вышках во время выстрелов из «мухи».

С момента обнаружения несущегося к воротам «Золотого ручья» «Урала» и до того, как я быстро вбежал в открытые настежь двери Экспериментального исследовательского центра, прошло всего-навсего семь с половиной минут...

* * *

Крамской, с белым от страха лицом, стоял возле электронного турникета и, когда в дверном проеме вдруг выросла моя фигура, моментально вздрогнул от неожиданности. Окинув меня каким-то странным лисьиим взглядом, генерал махнул рукой, чтобы я следовал за ним, а сам направился вверх, минуя болтающуюся из стороны в сторону хромированную вертушку. Я с удивлением отметил, что сложнейшая пропускная система была отключена. Поднявшись по ступенькам на второй этаж, где за все время службы в «Золотом ручье» я никогда не был, мы оказались в узком коридоре, по обе стороны которого выходили шесть совершенно одинаковых дверей. Нетерпеливым размашистым жестом открыв одну из них, Крамской пропустил меня внутрь, а потом, захлопнув, запер на замок.

Это становилось совсем интересным.

Я очутился в тесной полутемной конуре, площадью не больше шести метров. На единственном источнике дневного света – окне – висели плотно прикрытые черные жалюзи. Возле стены стоял серый, обшарпанный металлический шкаф с выдвижными ящиками, вроде тех, что используются в архивах для хранения картотеки. Как ни странно, но больше в помещении ничего не было. Я удивленно огляделся по сторонам, а потом перевел взгляд с полуистлевших зеленых обоев на стенах на стоящего спиной к двери генерала.

– Зачем вы меня вызвали?! – Я ровным счетом ничего не понимал. Уж не поехала ли «крыша» у этого бравого чекиста от внезапно начавшейся пальбы?

– То, что я сейчас вам скажу, майор, представляет государственную тайну... – не сводя с меня настороженных глаз, начал Крамской. – Даже больше, чем государственную тайну. Но прежде чем отдать приказ, я хочу, чтобы вы знали. Иначе мои действия могут показаться вам нелогичными.

– Интересно... – Я смотрел на Крамского и удивлялся происшедшей в нем буквально за несколько минут разительной перемене. Ребята из взвода охраны предпочитали не попадаться ему на глаза, так как Крамской никогда не мог равнодушно пройти мимо, не найдя хотя бы пустякового повода в очередной раз «поучить» бойца. Иногда он так распалялся, что начинал кричать до хрипоты в голосе, его студенистое щекастое лицо моментально краснело, а изо рта, похожего на зловонную яму, вырывались капли слюны. Сейчас же передо мной стоял спокойный, если не сказать – робкий, испуганный мужик в мешковато сидевшем на нем полевом генеральском мундире.

– Вот уже пять с половиной лет профессор Славгородский проводит здесь разработки психотропного оружия, – несколько помедлив, продолжил генерал, нервно вытаскивая из кармана сигареты. – Достигнутые им результаты просто фантастичны. Вы когда-нибудь слышали о кодировании на самоликвидацию? – Крамской внезапно остановился и поднял на меня блуждающие серые зрачки.

– Только в фантастических книжках, – я чуть заметно скривил губы. В моей голове стремительно зрела мысль о том, что после неожиданной «исповеди» генерала для меня уже не существует пути назад. Я становился живым и совершенно не предусмотренным ранее всеми секретными директивами носителем информации. Это плохо пахло.

– Фантастических книжках! – взорвался Крамской. – Это реальность! Во время сеанса гипноза человеку вводят специальный код в виде определенной последовательности слов, записанных на магнитную ленту и произнесенных каким-то одним голосом. В нужный момент звонит телефон, клиент снимает трубку и, услышав сидящие у него глубоко в подсо-

знании слова, тем или иным образом кончает жизнь самоубийством, – генерал жадно затаился, выпустив через нос две густые струи синеватого дыма. – Те, кто сейчас атакуют объект, – понизив голос, сказал он, – пришли за этой программой. Я знаю...

– Вы знаете, кто *они*?! – Мои брови немедленно сошлись возле переносицы, а пальцы механически сжали висящий на плече автомат. Его черный стальной ствол еще хранил остатки тепла.

– Я знаю, *зачем* они пришли! Этого достаточно! – Крамской неожиданно снова сорвался на крик, представ в своем привычном обличье. – Вся дорогостоящая аппаратура лаборатории ничто без специальной программы. Программа кодировки существует, как положено по инструкции, в единственном экземпляре на несгораемой и не копирующейся дискете и находится в сейфе у Славгородского. Ценой любых усилий надо сохранить программу. Для начала ее нужно забрать у Славгородского. Затем – вывезти в безопасное место, генерал покосился в сторону окна. По всему периметру снова возобновилась ожесточенная перестрелка. – Если хотя бы на минуту представить себе, что попытка захвата увенчается успехом, эти твари проверят каждый карман, каждую ниточку, каждый сантиметр живого или мертвого тела у всех, кто сейчас находится в «Золотом ручье»... А если это не принесет успеха, то разберут по кирпичику каждый дом и перекопают каждый метр земли на площади в пять гектаров!

– Мне кажется, вы слишком торопитесь, генерал, – резко перебил я. – Еще ни одна тварь не проникла за ограждение. Они вообще ведут себя словно сонные мухи! После попытки выбить ворота, единственное, на что у них хватает мужества, это...

– Молчать, майор!!! – снова заорал, брызгая слюной, Крамской. – Не считайте их за полных идиотов. Не пройдет и нескольких минут, как нам преподнесут очередной сюрприз!..

И, черт побери, он оказался прав. Практически тут же меня вызвал по рации командир второй пятерки Радич и сообщил, что по направлению к «Золотому ручью» медленно движутся два армейских БТРа. Я нахмурился. Дело пахло керосином. У нас в арсенале, никак не рассчитанном на массированную осаду объекта, оставалась всего одна «муха». Правда, был еще целый ящик ручных гранат «РГД», но от этих противопехотных хлопушек мало толку, если речь идет о броневиках...

К своему огромному удивлению, я заметил на покрасневшем и потном от напряжения лице Крамского едва уловимую ехидную усмешку. Он что, псих? Или просто неадекватно выражает свое удовлетворение от того, что оказался прав насчет грядущего «сюрприза» от «камуфляжных»?! Так или иначе, но мне это не понравилось.

Крамской тем временем изобразил на одутловатой роже подобающее моменту выражение и медленно, выделяя каждое слово, произнес:

– Так что вот вам мой приказ, майор. Немедленно подготовить вертолет, доставить меня вместе с дискетой в условленную точку, а затем вернуться обратно и до конца держать оборону объекта! А я позабочусь, чтобы секретная информация не попала в руки врагов! От вас требуется отдать приказы командирам отделений и готовить вертолет к взлету. Через пять минут я буду в ангаре... Выполняйте!!!

Не дожидаясь моего ответа, Крамской развернулся, открыл дверь, быстрым шагом сбежал по ступенькам на первый этаж, остановился возле неработающего электронного турникета, еще раз окинул меня взглядом, щелкнул указательным пальцем по циферблату наручных часов, кивнул, криво ухмыльнулся и прошел в чрево бункера. Я вышел наружу и короткими перебежками направился в сторону восьмого поста. Именно оттуда слышались самые ожесточенные выстрелы и приглушаемые ими крики, состоящие на две трети из отборного русского мата. Своих ребят я мог узнать по голосу, каждого из двадцати человек. На этот раз голос принадлежал старшему лейтенанту Саблину.

– Сережа, Олег!.. К подстанции, быстро-о-о!.. Сукины дети!..

Саблин, а с ним еще двое бойцов находились на крыше гаражных боксов и, укрывшись за тридцатисантиметровым выступом, окружающим плоскость со всех сторон, вели отчаянную перестрелку с засевшими в лесу «камуфляжными». Красный с зелеными прожилками гранит, которым было облицовано все здание, от соприкосновения с сотнями натыкающихся на него пуль отвратительно гудел моментально сводящим зубы пронзительным звуком.

Заметив меня, поднявшегося на крышу с тыла по приставленной к стене лестнице и крадущегося к ним почти на брюхе, лейтенант моментально оценил ситуацию, вставил в «калашников» новую «упаковку» патронов, высунулся из-за укрытия и выпустил в сторону залегших за ближайшими соснами «камуфляжных» полный рожок. Тем временем я успел молниеносным рывком добраться до выступа со стороны забора и, упав на рубероид ничком, перевести дыхание.

– Все в полном порядке, командир! – Саблин юркнул обратно, и, к своему удивлению я заметил на его раскрасневшемся от смертельного азарта лице подобие улыбки. – Хрен они сунутся ближе чем на десять метров к забору... С ума сойти, я, русский, стреляю по таким же русским... Вот гады!

Тыльной стороной ладони старший лейтенант обтер мокрый лоб, быстро достал из-за пояса новый рожок, одним движением вставил в автомат и снова высунулся из-за укрытия. Прямо над моим ухом сухо треснула очередь. Но она оказалась совсем короткой – спустя две секунды Саша вскрикнул, опустил оружие и снова нырнул за выступ. Между растопыренных пальцев прижатой к его щеке ладони тремя тоненькими струйками неторопливо стекала густая алая кровь. Пуля прошла вскользь, сорвав несколько верхних слоев кожи.

– Попали, падлы, – совершенно спокойно констатировал Саблин и, оперевшись на локоть, полез в карман черной форменной куртки за перевязочным пакетом. – Подождите, сейчас я вам рога пообламываю... – Разорвав упаковку, он еще раз жестко выматерился.

– Слушай меня, старлей! – Я раскинул ноги, занимая удобное для стрельбы положение. – Генерал приказал мне доставить его подальше отсюда. Попробую рискнуть на «вертушке». Он сильно боится, что нас перестреляют, как клопов, и вбил себе в голову, что должен спасти какую-то секретную хреновину, из-за которой эти ублюдки решились на захват, – я перевел взгляд чуть левее, заметил возню возле ствола старой кривой ели и выпустил туда десяток пуль. Скошенный, как сорняк, на землю рухнул «камуфляжный». Вряд ли в ближайшее время ему захочется пострелять еще. Трупы не умеют стрелять.

– А он случайно не сказал, что это за ур-р-роды такие?! – Саблин кое-как обработал рану и снова схватился за автомат. – Они даже воевать ни хрена не умеют, щенки!!! И, командир... почему ты не послал его в задницу?! Пусть сам выбирается, сука кабинетная!

На вымазанном кровью лице старлей я без малейшего удивления прочел злость.

– Принимай взвод. Когда вернусь, чтобы ни одной посторонней твари не было на территории.

– Пока я жив – так и будет, – лицо Саши исказила зловещая гримаса. – На обратной дороге слетай в гастронорм, за бутылкой. Будем чем отметить победу!..

Саша демонстративно, размашисто перекрестился и снова припал к «калашникову». В сторону укрывшихся в лесу тварей ударила хлесткая автоматная очередь.

Уходя, я полностью доверял Саблину. Не потому, что он был моим другом. Он знал, что нужно делать...

Семь лет назад, недалеко от Кандагара, он вместе с пятью солдатами и подполковником из штаба дивизии был атакован полусотней «духов». Бились до последнего, четверо ребят погибли, один – тяжело ранен. Затем ранили и Сашу. От нестерпимой боли он потерял сознание, а когда очнулся, то уже «отдыхал» в контролируемом моджахедами горном кишлаке, привязанный за ноги к вбитому в стену крюку с кольцом и со связанными за спиной руками. Рядом находился подполковник, весь испуганный и бледный. Во время перестрелки

с «духами» он спрятался в горную расщелину и там, дрожа от страха за свою жирную кабинетную задницу, дожидался, пока его не найдут и не захватят «воины ислама». А когда, уже в плену, на глазах у молоденького лейтенанта подполковник принялся спасать свою шкуру – ползать на коленях перед бородатыми джигитами, целовать их обувь и бодро отвечать на все задаваемые ему вопросы, в том числе и секретного содержания, – Саша Саблин едва смог себя сдержать, чтобы не завывать от злобы и беспомощности повлиять на события. Спасло положение то, что внезапно послышались выстрелы. «Духи», бросив беззащитных русских пленных, поспешили вместе с автоматами туда, где уже вооруженные русские солдаты из ДШБ вошли в кишлак и теперь поливали стальным огнем все, что могло передвигаться, а следовательно – оказывать сопротивление.

Лейтенант Саблин и подполковник Крылов находились в душной глиняной мазанке, по всей видимости, специально приспособленной для содержания здесь пленных. Едва оставшись вдвоем, Саша предпринял попытку освободиться от связывающих руки веревок. Занятия акробатикой еще в школьные годы оказались как нельзя кстати. С одиннадцатого раза ему удалось поднять кисти рук до уровня лопаток, выполнить хитрое движение головой, вывернуть суставы на сто восемьдесят градусов и сделать, казалось, невозможное – связанные запястья оказались спереди. Затем зубами Саблин распустил тугие узлы, после уже без суеты отвязал от левой ноги толстый капроновый шнур и поднялся с устланного грязной сырой соломой пола. Все это время дрожащий от страха Крылов молча сидел в углу и выпученными, как у жабы, глазами наблюдал за манипуляциями лейтенанта. А когда Саша встал, подполковник расплылся в довольной мине, затем моментально стал серьезным и крикливым тоном приказал:

– Хорошо, солдат! Я доложу вашему командованию о находчивости и профессиональной подготовке подчиненного. А теперь быстрее идите и помогите мне отвязаться.

Саблин стоял в двух метрах от слизняка и с презрением смотрел на его ожидающую рожу.

– Лейтенант, вы что, не слышали приказа?! Ну... Пожалуйста, освободите меня от этих чертовых веревок. Все руки затекли... Совсем уже онемели... – едва не хныкал жирный подполковник.

В этот момент дверь, вышибленная сильным ударом шнурованного спецназовского ботинка, провалилась внутрь мазанки, упала на вонючую солому, и в проеме появился капитан ДШБ с автоматом наперевес. Он моментально оглядел помещение и сразу узнал «своих». Но что-то в глазах стоящего перед связанным подполковником лейтенанта показалось ему странным и до удивления знакомым.

И он понял, что именно.

Такие уничтожающие взгляды «дарят» только подонкам и предателям Родины. Капитаном, своим неожиданным появлением предотвратившим неизбежную расправу, был я. После того как год спустя нас с Сашей отправили в Союз, а меня, с подачи знакомого старшего офицера в Главном управлении, назначили начальником охраны «Золотого ручья», я добился его перевода ко мне в подчинение. После истерзавшего нервы и здоровье Афганистана это тихое неприметное местечко казалось настоящим раем на Земле.

* * *

С момента первого прозвучавшего выстрела с нашей стороны набралось уже трое серьезно раненных и четверо убитых при взрыве наблюдательных вышек бойцов. Но, к сожалению, это был не окончательный расклад. От гаража я бегом бросился в сторону ангара с вертолетом и увидел еще одну смерть. Она настигла одного из парней, занимающих оборону у КПП, возле выбитых ворот и пылающего черным дымом «Урала».

Глядя на истерзанного пулями молодого бойца, я почувствовал, как где-то внутри моей души закипает отчаянная злость. И в такой момент, когда здесь гибли ребята, я должен был садиться в вертолет и спасать какую-то чертову дискету?! Я стоял на коленях возле лежащего на земле парня и от бессилия едва не выл.

Денис Волошин последний раз посмотрел своими светло-кариими глазами на нависшие над «Золотым ручьем» облака, на его изможденном болью и отчаянием лице чуть заметно дернулись мускулы, зрачки повернулись в мою сторону, с каким-то умоляющим выражением впились мне в глаза, а потом медленно и спокойно закатились.

И именно в этот момент у меня на поясе затрезвонил сотовый телефон. Не веря своим ушам, я резко схватил трубку и включил линию связи.

– Алло, кто это?!

– Командир? – услышал я незнакомый голос. – Ты еще не надумал сдать?.. Очень зря. Потому что единственный для тебя и твоих собак шанс вообще остаться живыми, это послушать моего совета... До сих пор были шутки, но терпение мое лопнуло!!! – По уху резанул яростный крик. – Через две минуты я даю команду «бэтээрам», и тогда вам конец! Ты меня хорошо понял, орел выщипанный?! Две минуты. Потом – все!!! Падла...

В трубке что-то щелкнуло, и связь пропала. В какой-то момент я уже понадеялся на чудо, пробежал пальцами по кнопкам, набирая номер Главного управления КГБ, но вместо щелчка соединения снова услышал режущие слух помехи. «Капкан» снова работал. Единственное, что я мог сделать в ответ, это грязно и отчаянно выматериться, снова пристегивая телефон к поясному ремню. Эта мразь смогла не только лишить нас всей связи, но и засунуть в нее свое поганое жало!

Рядом со мной прямо из воздуха вдруг материализовалась крепкая фигура Крамского. В руке генерала я заметил портативный компьютер «ноутбук», своим внешним видом очень напоминающий обычный «дипломат». Безразличным взглядом он посмотрел сначала на меня, затем на мертвого Волошина, потом снова на меня и наконец заговорил.

– Идемте, майор, у нас очень мало времени. Вы подготовили вертолет? – Генерал перевел тяжелое дыхание.

Я отрицательно покачал головой и покосился на заляпанную вязкой кровью трубку «мобильника». Крамской заметил.

– Звонили? Кто?!

– Кто-то.

– И...

– Предлагает прекратить сопротивление и сдать, – я презрительно сплюнул. Каменное лицо Крамского налилось кровью, губы задрожали.

– Суки гребаные!!! – взорвался он, выставив вперед большой, крепко сжатый кукиш. – Вот что им нужно! – Генерал приподнял и тряхнул чемоданчиком. – Нечего здесь дурня валять, быстрее к вертолету, – и Крамской, мертвой хваткой вцепившись в рукав, буквально потащил меня в сторону находящегося в двухстах метрах от нас ангара.

При помощи электронного ключа я открыл автоматические двери, прошел к «вертушке», стянул с нее невесомый оранжевый тент и залез в кабину. Рядом запрыгнул Крамской. Я быстро осмотрел панель приборов, включил все необходимые для работы системы, запустил двигатель. Широкие лопасти главного винта дернулись, качнулись и начали раскручиваться, быстро набирая обороты. Спустя двадцать пять секунд они вошли в необходимый для взлета режим.

– Готовы? – спросил я у чекиста, внимательно наблюдавшего за моими уверенными действиями и прижимающего к груди хрупкий пластиковый чемоданчик.

– Быстрее, майор, – нетерпеливо бросил Крамской и зачем-то огляделся по сторонам, будто хотел убедиться в отсутствии в чреве четырехместного «Робинсона» посторонних.

С пульта дистанционного управления я включил раздвижной механизм крыши ангара, и она с легким гудением разошлась в разные стороны. Шасси вертолета оторвались от гладкого пола, и «вертушка», легонько качнувшись, поднялась вверх. Мы зависли над крышей, я включил форсаж, развернул вертолет на север и увеличил обороты до максимума.

Если «Робинсон» был бы машиной, то на уходящей под колесами дорожной ленте он непременно оставил бы черные следы от прокрутов... Твари, занявшие позиции вокруг периметра, явно не ожидали такого поворота событий. На минуту оторопев, они принялись отчаянно палить вслед уходящему вдаль вертолету. Я дергал штурвал то в одну, то другую сторону, уходя от прицельного огня и ввергая в совершенно дикий мат сидящего рядом генерала, который, казалось, вообще был удивлен тем, что в сторону «Робинсона» летели пули... Он скакал на мягком сиденье, как мячик, болтался то вправо, то влево и постоянно цеплялся за все, что подвернется под руку. Расстояние между «стрекозой» и засевшими в лесу «камуфляжными» стремительно увеличивалось. Краем глаза я успел заметить, как выехали из-за елей два зеленых БТРа и остановились метрах в пятидесяти от главных ворот.

Когда я уже посчитал, что «Робинсон» ушел на достаточное расстояние и можно не опасаться летящих вдогонку пуль, два маленьких металлических конуса прошили вертолет с правой стороны. Один попал в топливный бак и двигатель, вызвав серьезные сбои в работе и стремительную утечку горючего, а второй – точно в спину расположенного рядом со мной сиденья. Пуля прошла насквозь, оторвала генералу кусок ребра, край пластиковой обшивки «ноутбука» и вышла через лобовое стекло обратно на свежий воздух, обрызгав алой горячей кровью всю правую сторону салона.

Крамской так и умер, не успев ничего понять, с широко открытым ртом и выпученными, как у рыбы, глазами. Остывающие руки крепко прижимали к телу перепачканный чемоданчик.

«Вертушка», захромав на одну ногу, стала болтаться в воздухе, как утлая лодочка, подвернувшаяся под цунами. Мое чуткое обоняние уловило запах топлива и дыма, и это было совсем не смешно. Как ни странно, но смерть Крамского не произвела на меня должного впечатления. Наверное, еще и потому, что моей собственной жизни в данной ситуации была грош цена. Внизу – сплошная стена из сосен, ни одной пригодной для посадки поляны, да и о какой посадке может идти речь, если штурвал в моих руках уже почти не слушается, а горючего в баках осталось не больше, чем в пипетке...

Но, как известно, надежда в наших душах умирает последней. А уж тем более в душе такого отчаянного сорокалетнего парня, как я. Мы с моей шкурой в ситуации еще и похлеще попадали, всякое бывало. Застраившие в мускулах пули, сломанные кости, отбитые внутренности и содранная полосками кожа – все это настоящая ерунда, в большинстве случаев ничего общего не имеющая со смертью. Самое страшное – ее ожидание. Ничто так не утомляет, как задержка поезда, особенно когда лежишь на рельсах. Прямо как сейчас, когда, как сраный веник, болтаюсь в воздухе на однокрылой и одноногой «стрекозе»!

Собрав в узел все свои мысли, я пару секунд активно поработал серым веществом и пришел к однозначному решению – нужно садиться (хотя правильной было бы сказать – броситься) на «мягкие» кроны высоких сосен и елей. Расстояние до них резко сокращалось, а я отчаянно пытался удержать пикирующую «вертушку» в вертикальном положении. Согласитесь, падать вверх головой гораздо спокойней, чем наоборот.

Можно сказать, что мне повезло. Мы со «стрекозой» не напоролись с размаху на ствол самой крепкой сосны, а провалились между двумя растущими в десяти метрах друг от друга лесными красавицами. Хотя их ветки и сучки на поверку оказались куда менее гостеприимными, чем я предполагал, еще барахтаясь в небесной вышине. Хруст ломающегося стекла, ужасная вибрация и сотрясение от рубящих все вокруг лопастей главного винта, плюс к

этому – падение спиной вниз, сделали свое дело. Сильно вцепившись затылком в сиденье, а затем ударившись левым виском о стойку, я болезненно отключился.

Во время короткого забытья мне померещилось, будто внезапно оживший генерал КГБ, вытирая с губ кровавую пену, лезет ко мне своими переломанными, скрюченными и посиневшими пальцами, пытаюсь схватить за горло и вырвать кадык. Я защищаюсь, пытаюсь отстранить от себя назойливого зомби, а когда убеждаюсь в бессмысленности стараний, в полную силу запускаю ему «розетку» из двух растопыренных пальцев прямо в глаза, выдавливая зрачки и добираясь подушечками до трепыхающихся и студенистых мозговых клеток... Слава Богу, я очень скоро очнулся и с первыми проблесками сознания хотел уже было обрадоваться окончанию кошмара, но, как оказалось, слишком поторопился.

Вертолет завис, запутавшись в мохнатых переломанных ветках, метрах в шести над землей. Внизу лежало тухлявое поваленное дерево, так что прыгнуть и умудриться не сломать при этом обе ноги было под силу только гимнасту-профессионалу. Я лежал на левом боку, сверху на меня навалилось бездыханное тело Крамского со все еще крепко прижатым к груди «ноутбуком». Дверца с моей стороны была широко открыта, и очень удивительно, что я не вывалился и не свернул себе шею во время падения вертолета.

Список ближайших задач представлялся мне вполне ясно. Для начала нужно благополучно достигнуть земли и не переломать все кости. Затем как можно быстрее убираться отсюда, так как псы в камуфляже уже натянули поводки и готовы в любую секунду плюнуть в меня кусочком свинца.

Сделать задуманное оказалось гораздо сложнее. Едва я только освободился от тяжеленного трупа генерала, обмотав его болтающимся рядом со мной пристяжным ремнем, и, отодвинув куда-то за простреленное сиденье, попробовал вытащить из его крепко сжатых кистей ручку портативного компьютера, как неожиданно что-то треснуло в метре от меня – там, где находился двигатель, – и вспыхнул огонь. Я дернулся от неожиданности, и тело Крамского обрушилось на меня сверху.

Полет не занял много времени. Сначала, рядом со стволом поваленного дерева, упал на бок я. Затем мне на голову свалился чемоданчик. После я уже ничего не запомнил. Кроме того, что поднялся на четвереньки, схватил «ноутбук», отполз в сторону и снова провалился в бездонный колодец...

Очнулся я от тошнотворного запаха горящего человеческого тела. В метре от меня пылал упавший сверху вертолет, который подмял под себя останки генерала КГБ Крамского и теперь с удовольствием изжаривал их на огне. Каким-то чудом лопасти винта не сломали мне позвоночник. Я приподнялся, мутными глазами оценил окружающую меня обстановку и пришел к утешительному выводу, что майору Боброву в очередной раз повезло. За прошедшие пятнадцать минут я мог умереть по меньшей мере трижды. Но, видимо, или срок мой еще не настал, или смерть-старуха просто-напросто промахнулась на полметра и утащила с собой под землю верного цепного «добермана» могущественной секретной службы. Ну что же, я не против.

Портативный компьютер, как я и ожидал, оказался испорчен. Зато дискета – в полном порядке. Когда я держал ее в руках, то внезапно ощутил некое подобие «кондрашки» в коленных суставах. В этой упакованной в негорюемый плоский контейнер и надежно защищенной от деформации пластине хранилась чрезвычайно ценная информация. Ради нее многие пошли бы на все. Что, впрочем, уже с успехом и осуществлялось. Пока со мной дискета, я могу не переживать за свою жизнь – с одной стороны, и опасаться за нее – с другой. Парадокс. Никто не станет убивать меня (по крайней мере – специально), пока не узнает, где дискета. А как узнает – сразу в расход. Для определенных кругов уже перестал существовать майор Валерий Николаевич Бобров. Есть только гипотетический носитель информации. Со

всеми вытекающими из этого для него последствиями. Вот такое радужное теперь у меня будущее!

Мне понадобилось около двух-трех минут, чтобы плавающая перед глазами картинка более-менее сфокусировалась. Я, пошатываясь и опираясь рукой о ствол сосны, поднялся и, насколько был способен, быстро направился на юго-восток. По моим подсчетам, понадобится не менее пяти часов активных шевелений «поршнями», чтобы добраться до большой дороги. Там я сяду на какое-нибудь подходящее транспортное средство и попытаюсь как можно быстрее оказаться в Москве. В такой одежде, как черный спецкостюм, изорванный и измазанный кровью, далеко не уйдешь. К тому же – нет денег. И нет связи с «Золотым ручьем». От некогда верой и правдой послужившего мне сотового телефона остались только воспоминания и несколько тщедушных кусочков.

Пока я, продираясь сквозь ветки, быстрым шагом направлялся в сторону шоссе, голова моя работала в режиме «супертурбо». Мне было над чем поразмыслить. Первым в длинной череде вопросов был риторический – что делать? О том, что дискета у меня, рано или поздно обязательно узнают в КГБ. Не исключена вероятность, что о том же пронюхают «камуфляжные». Они предприняли попытку захвата объекта с одной целью – завладеть программой кодировки. А внезапно ускользнувший, пусть и не далеко, вертолет недвусмысленно свидетельствует о предпринятой попытке спасти дискету. Следовательно, по моему следу уже стремительно несется стая голодных собак. Несложно представить, что меня ждет, попади я им в руки. Даже помолиться не успею.

Если же найти возможность разыскать компетентных людей в спецслужбах и вернуть им утраченный алмаз «Око света», то они, едва завладев дискетой, не колеблясь, поставят меня к ближайшей стенке, дабы ликвидировать лишний источник возможной утечки информации. По воле случая я стал обладателем не предназначенного для посторонних секрета, а это равносильно смертному приговору...

Нет, такой расклад никак не подходит. Я, хоть и выбрал профессию военного, как любой нормальный человек не отказался бы пожить на этом свете еще три-четыре десятка лет. Пиво, женщины и все такое... Я не собираюсь умирать.

Ко всему прочему добавлялся еще один, чрезвычайно существенный факт. Календарь бесстрастно констатировал, что сегодня – девятнадцатое августа тысяча девятьсот девяносто первого года. В стране творилось что-то непонятное. Я уже знал, что во все более-менее крупные города были введены войска. Нетрудно себе представить, что сейчас творилось во властных структурах, и тем более в КГБ. Напавшие на секретный объект, безусловно, владели оперативной информацией на самом высоком уровне. И они знали, что сегодня им никто не помешает осуществить задуманное. К тому же, без всякого сомнения, они уже стремительно шли по моему следу.

В таком случае остается только один выход – уйти до поры до времени «на дно» и там, окопавшись со всех сторон, ждать удобного момента для окончательного принятия решения. Ближайшие же задачи представлялись более-менее ясно.

Во-первых, нужно добраться до Москвы.

Во-вторых, узнать, как дела в «Золотом ручье». Это – особенно важно!

В-третьих, как можно быстрее уезжать из региона, а еще лучше – из России. Я даже знаю, куда именно.

* * *

Спустя три часа я вышел на трассу, тормознул рефрижератор с молдавским номером и без особых проблем добрался до Москвы. Правда, поволноваться все-таки пришлось, когда на въезде в город я увидел стройные ряды бронетехники и людей в военной форме. Молча-

ливый водила «КамАЗа» с «буденновскими» усами почти сразу заметил мое напряжение, спокойно порывшись под своим сиденьем и положил мне на колени выдавшую виды джинсовую куртку с бесчисленным количеством заплат.

– Накинй, – он еще раз остановил взгляд на исцарапанных и кое-где испачканных кровью мускулах странного попутчика, втиснутых в черную футболку с короткими рукавами (форменную куртку с майорскими погонами я снял загодя, в лесу), и вздохнул: – Мало ли что...

«Дальнобойщик» остановил рефрижератор на первом же городском перекрестке.

– Приехали, братишка. Мне сейчас в одно место заехать надо, одному. Сам понимаешь... – будто извиняясь, сказал «Буденный». – Бывай.

Я прыгнул на асфальт, начал снимать джинсовку, но не успел. «КамАЗ» заревел, дернулся и, выпустив густой черный дым из расположенной над кабиной высокой выхлопной трубы, рванул вперед.

До дома я решил идти пешком. По дороге внимательно вслушивался в обрывки разговоров прохожих и вглядывался в лица сидящих на «бэтэрах» и танках солдат. Почти на каждом большом перекрестке была военная техника. Я с удивлением и какой-то внутренней радостью замечал редкие улыбки на лицах молодых ребят в форме, которых, помимо их воли, заставили стать устрашающим монстром для простых мирных граждан. В стволах пулеметов и орудий я то и дело замечал целые букеты цветов. Невиданное зрелище! Последний раз такая картина была перед моими глазами на экране телевизора в последний день вывода советских войск из Афганистана. Тогда мы, те, кто там когда-то был, не чувствовали себя победителями. Это была бесславная война, которая так же бесславно и завершилась, не принеся ничего, кроме слез и ноющего сожаления о безмозглой тупости отдавших некогда роковой приказ «отцов народа».

Подойдя к своей пятиэтажке, куда обычно меня привозила и отвозила обратно на службу светло-коричневая «Латвия», я огляделся. Ничего подозрительного. Тихо, стараясь не производить лишнего шума, я поднялся по лестнице на четвертый этаж и позвонил в соседнюю с моей дверь. Из глубины квартиры мягко прошлепали детские шаги. Сережа, сын Павла Дмитриевича, был дома.

– Здравсьте, дядя Валера! – выпалил мальчик. – Папы нет, но он скоро будет. Вам дать ключ?

Уезжая на службу, я всегда оставлял ключи соседям, так как с самого детства имел отвратительную привычку везде оставлять зонтики, перчатки и ключи. Победить этот «порок» не удалось, и приходилось перестраховываться простейшими методами. Второй ключ от квартиры был у моей бывшей жены, которая жила сейчас с новым мужем в другом конце города.

– Да, дай, пожалуйста, – кивнул я в ответ.

Через минуту майор Бобров был уже внутри своей квартиры. Не мешкая ни секунды, я переоделся в приличную одежду, собрал самое необходимое в спортивную сумку, положил туда документы и деньги – все, что были, в большой серебряный портсигар спрятал дискету и засунул его между рубашек, повесил сумку на плечо и уже собрался уходить, как неожиданно зазвонил стоящий на журнальном столике телефон.

Наверное, минуту я стоял и думал – брать трубку или нет? Но любопытство все-таки одержало верх.

– Алло? – спокойным, как у развалившегося на кресле перед телевизором шахматного болельщика, голосом ответил я.

– Это ты, командир?! Молодец, хорошо бегаешь... – Я узнал голос человека, с которым уже имел возможность говорить в «Золотом ручье». Сейчас он просто шипел от бешенства. Его рваное дыхание больше напоминало свист старых кузнечных мехов. – Если хочешь уме-

реть быстро и безболезненно, возьми дискету и спускайся вниз! Там тебя уже ждут. Боюсь, это все, что я могу для тебя сделать. Ты проиграл свою жизнь вчистую, придурок!..

– Что с «Золотым ручьем»? – Я не смог сдержаться, чтобы не задать этот вопрос. В ответ услышал лишь отчаянный мат и обещание «свернуть мне башку собственными руками».

– Все, сука, считай – договорился!!! – И в трубке раздались короткие гудки. Я бросился к окну и успел заметить, как из двух припаркованных возле моего подъезда машин выскочили сразу несколько вооруженных людей в штатском. Случайные прохожие, моментально почувствовав опасность, в панике бросились в разные стороны. Какая-то женщина громко и пронзительно закричала... И тут я вспомнил очень простой трюк, время от времени применяемый квартирными ворами.

Я быстро покинул квартиру, прихватив с собой сумку, отдал ключ Сережке-соседу, спокойно поднялся по лестнице на последний этаж, слыша гул поднимающегося в шахте лифта и громкий топот ног где-то внизу, там через чердачное помещение перешел из моего первого в четвертый подъезд, спустился на лифте вниз, зашел в подвальную дверь, выходящую не на улицу, а внутрь подъезда, около входной двери, и спустился вниз, в царство толстых, мокрых, крытых колючей стекловатой труб канализации и отопления.

Дома в моем дворе стояли в форме пятистороннего прямоугольника. Жильцы называли это архитектурное чудо не иначе как «Пентагон». И система труб всех жилых домов была соединена. Подвал четвертого подъезда одного дома отделяла от подвала первого подъезда второго дома только выложенная в этом месте стена из белого кирпича. Но в самом ее верху, в правом углу под потолком, над тянущимися там трубами канализации была полуметровая пустота. Благодаря такому подарку строителей, поленившихся класть кирпичи, стоя враскоряку и упираясь задницей в потолок, у меня был шанс.

Спустя каких-то три минуты я уже вышел в совершенно противоположной от своего подъезда стороне «Пентагона». Тут же поймал частного таксиста на раздолбанном «жигуленке» и коротко попросил его «ехать прямо и очень быстро».

Некто, не учтя хода мысли гениального архитектора, спланировавшего жилмассив в виде гайки, так желающий немедленно заполучить дискету мертвого генерала, остался «при своих». Я же, помня «прокол» в квартире, предпринял все возможные меры предосторожности, три раза пересаживаясь из машины в машину, и быстрым темпом направился в противоположный конец города, увозя с собой в путешествие всю сверхсекретную информацию, за которой в данный момент охотились могущественные силы.

Тогда я даже не подозревал, что помимо своей воли стал главным действующим персонажем тщательно спланированного и почти увенчанного успехом грандиозного спектакля.

2

Во избежание вполне имеющих возможность случиться «недоразумений» я не поехал на поезде и не полетел на самолете. Честно говоря, мне к тому же не очень хотелось бросать совсем недавно купленную «восьмерку». У меня не было личного гаража, и машина большую часть своей «жизни» проводила под открытым небом на обдуваемой всеми ветрами платной стоянке недалеко от ВДНХ.

Расплатившись с таксистом, я вышел из потрепанной «Волги» за квартал от места «дислокации» моего четырехколесного коня и, с огромным удовольствием закулив, не спеша пошел в нужном направлении. Мысли, как и следовало ожидать, ни в какую не хотели выстраиваться в логическую цепочку, а беспорядочно метались внутри моей черепной коробки. Я успел ухватить главную – нужно немедленно «рвать когти» из Москвы, но в остальном... Слишком серьезная заварилась похлебка, чтобы о ней не думать. Размышляй, Валерий Николаевич, не ленись! А то не успеешь аукнуть, как уже раз и навсегда позабудешь все прелести жизни. Впереди тебя ждут о-о-очень непростые денечки.

Воспользоваться своим автомобилем мне так и не удалось. Любой автомобилист хорошо знает, что самые неприятные поломки всегда происходят в неподходящий для этого момент. Закон подлости, он же – закон бутерброда, неизменно падающего на землю маслом вниз, в очередной раз получил логическое подтверждение. Да еще какое! Мало того, что двигатель совсем еще новой «восьмерки» наотрез отказывался заводиться, так ведь по непонятной причине вышла из строя и пережгла все предохранители электросистема машины, а вдобавок ко всему еще «село» левое заднее колесо. На мой немой вопрос, заданный одними глазами подошедшему охраннику, он только пожал плечами и недовольно скривил небритую физиономию.

– Вроде не лазил никто... Я вообще только два часа назад сменился... – Парень с отсутствующим видом медленно обошел вокруг не подающего признаков жизни «чуда» советского автомобилестроения, безразлично осмотрел машину туповатым взглядом и полез в карман джинсовых штанов за очередной порцией семечек.

– Ладно, придется сегодня на «пешкарусе» передвигаться, – стараясь не проявлять перед охранником внезапно напавший на меня приступ раздражительности, как мог, изобразил на «фейсе» равнодушную улыбку оглушенного пыльным мешком простофили, лениво захлопнул и закрыл на ключ дверцу «восьмерки». – Закурить есть?

– Да вроде... – снова пожал плечами переросток и, слегка покопавшись в кармане, вытянул оттуда, всю в черной пыли от семечек, пачку дешевых сигарет без фильтра. – Держи, дядя, – он протянул ее мне.

– «Ватра»?! – Я недовольно поморщился, как будто увидел прямо перед носом вонючую пупырчатую жабу. – Не, я лучше курить брошу, но такую дрянь в рот не возьму.

– Как хочешь, – несколько не обидевшийся парень затолкал мятую желто-рыжую пачку обратно в джинсы и широко открыл свою пасть, демонстрируя недостаток крепкого здорового сна прошедшей ночью.

– Пока, – я вышел обратно за высокие металлические ворота. Проблема с транспортом снова встала на первое место.

И тут опять вмешался Его Величество Случай. Хотя кто-то сказал, что случайность есть не что иное, как проявление закономерности. Возможно... Практически не найти человека, который в определенные моменты жизни не думает примерно следующее: «Вот не сказал бы я тогда ей... Вот не сел бы тогда к нему в машину... Вот послушал бы совет друга...» И так – до бесконечности. И все, кого посещают такие, сослагательного наклонения, воспоминания, совершенно правы! Нет ничего более сильного, более весомого, более опреде-

ляющего всю дальнейшую жизнь, чем случайные события. Примеров тому сотни, тысячи, миллионы. Любой человек, если захочет, в своей собственной жизни насчитает много кардинально повлиявших на судьбу «мелочей».

Так случилось и со мной. И все благодаря притормозившей рядом со мной черной «Волге» с военными номерами и совершенно непрозрачными стеклами. Дверца машины чуть слышно щелкнула, и я увидел появившиеся в проеме плечо, а затем и лицо человека в зеленой форменной одежде. Личность мужчины показалась мне знакомой. Я попытался вспомнить, где мог видеть его раньше, но он избавил меня от этой не особо утомительной для «серого вещества» работы.

– Товарищ Бобров? Валерий Николаевич? – Офицер, как я успел заметить – подполковник, очень любезно улыбнулся и посмотрел на меня ярко-голубыми глазами. – Вы меня не помните?..

– По-моему, помню. Но вот имя... – Я ответил на улыбку довольно кислой миной и почему-то крепко прижал рукой к правому боку спортивную сумку с вещами: деньгами и дискетой покойного генерала Крамского. Что-то во взгляде добродушного на вид пухлячка меня насторожило. Уж не братец ли единоутробный у меня объявился? В том состоянии, в котором я находился с самого утра, можно невесть что подумать. Для уверенности я слегка пошевелил левым плечом и радостно ощутил знакомую тяжесть крепко пристегнутого к кобуре «стечкина». Единственный мой защитник, страж и воин. С полусотней «желудей» в запасе.

– Мы с вами вместе в Ташкентском госпитале лежали, после ранения. Я тогда в командировке был, так случайно, прямо на улице, хулиганы подстрелили. А вы, по-моему, из Афгана, – освежил мою засорившуюся всякими прочими событиями последних семи лет память подполковник. – Только тогда я капитаном был, как и вы.

«Их контора что, слежку за мной установила? – пришла мне в голову совершенно глупая мысль. – Или в доверие втирается?»

Но, черт побери, я действительно узнал его!

– Капитан... нет, простите, подполковник Березовский? – осторожно спросил я, все еще цепляясь за спокойно висящую на моем плече сумку «Адидас» – выдавший виды «трофей» московской Олимпиады-80.

– Точно, – обрадовался, как ребенок, уже начинающий сидеть на висках светловолосый крепкий мужчина. – Думал, забыли. Вам куда? Если по пути, то могу подбросить, – подполковник приглашающе кивнул в сторону широкого мягкого сиденья, обтянутого вишневым бархатом.

– А куда вы едете? – Где-то в глубине души я почувствовал, что через секунду услышу нужный, очень нужный мне именно сейчас «адрес».

– Вообще-то далеко. У меня через... – подполковник вскинул мощную руку и посмотрел на дорогие, в крупном золотом корпусе, часы, – семь часов важное совещание в Ленинграде. Вот прямо туда и направляюсь.

– Вы просто не поверите, но сейчас я собирался ехать на вокзал за билетом и через три часа уже отчаливать в город на Неве! – Мне с большим трудом удалось сдержать то чувство внутреннего ликования, которое неожиданно проснулось внутри. Наверное, нечто похожее испытывает азартный игрок, когда в один прекрасный момент по воле Его Величества Случая выигрывает самый главный и самый дорогой Приз.

– Правда?! Так замечательно, садитесь рядом со мной и поехали. Хоть не скучно будет отсиживать мягкое место несколько часов подряд. А то, понимаешь, в кабинете целыми днями сидишь, а потом еще в машине трястись... Давайте, Валерий Николаевич, не стесняйтесь. Думаю, нам будет интересно поговорить после пяти-то лет, – Березовский жестом пригласил меня в салон «Волги» и даже отодвинулся дальше.

Кто еще находился в машине, я знать не мог. Темные стекла наглухо перекрывали видимость. Но, елки-палки, черт побери, где за такое короткое время *они* могли специально для меня откопать этого добродушного кабинетного пухлячка, едва знакомого со мной по совместному лечению в далеком южном госпитале? Чушь собачья, обычное совпадение.

– По-моему, уже не пять, а целых семь лет прошло, – бросил я, обрушивая все свои восемьдесят два килограмма на теплый бархат заднего сиденья приписанной к штабу округа «Волги», одновременно придирчиво осматривая скрытое за тонированными стеклами пространство. Кроме водителя, угрюмого лейтенанта, в машине никого не было. И я мысленно погладил себя по голове. Ура, ура, ура! Вдвоем с подполковником – прямо в Ленинград. На служебном автомобиле. Что может быть лучше? Только ковер-самолет в придачу с шапкой-невидимкой.

– Олег, поехали, прямо и без остановок, – отдал приказ подполковник Березовский, и черная «Волга» плавно тронулась с места, стремительно набирая скорость. Одной из привилегий автомобилей штаба было право не останавливаться по требованию ГАИ. А следовательно, для машин с соответствующими номерами не существовало никаких правил движения. Через десять минут мы уже пересекали границу города. Я молча проводил взглядом быстро промелькнувшую по правой стороне высокую белую табличку с надписью «Москва».

– Ну что же вы, Валерий Николаевич, замолчали? – Подполковник с интересом посмотрел на меня. – Рассказывайте, где вы, что вы... Хотите коньячку? – Глаза Березовского заметно просияли, а губы вытянулись в трубочку.

– Хочу, – охотно отозвался я, решив, что после всего случившегося сегодня мне совершенно не помешают пятьдесят граммов благородного напитка.

– А вот и коньячок, – подполковник открыл пухлый коричневый портфель, и на его широком скуластом лице я заметил довольную мину. – Молдавский, пять звездочек! Сейчас такого уже не продают. Разве что у нас, да в Совете Министров, – и Березовский громко рассмеялся. Жизнь казалась ему радостной и беззаботной. Как у Христа за пазухой.

– А вы, товарищ подполковник, где сейчас обитаете? – спросил я, подставляя переданный мне Березовским маленький пластмассовый стаканчик под горлышко фляжки из нержавеющей стали. – Все там же?

– Валерий Николаевич, – Березовский поморщился, – не надо званий и регалий, называйте меня просто Семен Романович, договорились?.. Вот и замечательно!

Я отхлебнул из стаканчика маленький глоток коньяка и почувствовал, как огненная жидкость медленно воспламенила мои совершенно пустые внутренности. Ведь с самого утра я даже маковой росинки не выпил, и уж тем более – ничего не ел. А не мешало бы! Так почему не воспользоваться гостеприимством неожиданного попутчика? Глядя на его щеки, можно с уверенностью сказать, что такой не выдержит и двух часов, чтобы не положить в рот очередной бутерброд с лососиной или карбонадным кусочком свинины.

И подполковник, будто слышав мои слова, неожиданно предложил разделить с ним «скромный дорожный паек». Насколько он действительно оказался «скромным», лучше не останавливаться. Совсем скоро я стал всерьез опасаться за способность моего желудка справиться с таким объемом пищи.

– А что мы все про меня да про меня, вы-то как? Служите? В каком звании, должности? Дети, жена? – как на допросе, начал перечислять стройную череду вопросов Березовский.

– Служу. В должности начальника охраны одного объекта... Так, ничего особенного. Звание у меня майор, семья и жена были, но сейчас уже нет. Я свободен, словно ветер, – поставил я точку в скорострельной «исповеди» и достал сигарету. – У вас в машине можно курить?

Мы еще много о чем успели поговорить со словоохотливым подполковником. Я узнал о его удачной женитьбе на дочери «комитетского» генерала много лет назад, о его двух дочках, как две капли воды похожих на сварливую мамашу и в настоящее время заканчивающих восьмой класс, послушном и добром псе по кличке Пистон, чью породу не смог определить даже опытный кинолог, личных пристрастиях в еде, женщинах и напитках, и о всем остальном, о чем можно узнать от желающего кому-то выговориться человека. Я же ограничился общими формулировками типа: «нормально», «ничего», «могло быть и лучше» и тому подобными.

Мне вообще не очень нравится, когда начинают расспрашивать о личной жизни и пристрастиях. Может быть, оттого, что личной жизни, как таковой, уже довольно давно не наблюдалось, а все пристрастия и предпочтения определялись наличием того или иного в данный момент. Если на твоём столе в солдатской палатке стоит алюминиевая миска с кашей на комбижире, то бесполезно мечтать о красной и черной икре. Примерно так я и рассуждал во всех жизненных ситуациях. Лучше гривенник сегодня, чем червонец завтра. Моя бывшая жена частенько поговаривала, мол, «солдафоны» — к реальной человеческой жизни люди совершенно не приспособленные, так как не могут жить без гарантированной пайки на завтрак, обед и ужин, подъемов в шесть утра, трехэтажного мата, неосознанного желания всегда и всеми — а особенно семьей — командовать, и дикого, первородного желания хорошо натаканной собаки в любой момент сорваться по приказу начальника прямо в драку. А как тогда быть с театром, посещениями музеев, ресторанов и draжайших подруг-пустомелек? Этого Марина понять никак не могла и не хотела. Зато сейчас, с новым мужем, который регулярно целует ее в попку и моет нежные тонкие пальчики в тазике с оливковым маслом, а в свободное от постоянного ухаживания за женой время еще и умудряется быть членом правления крупного банка, она чувствует себя как любимая роза в саду у маньяка-садовода. Именно то, что хотела все свои двадцать восемь лет.

Конечно, об этих своих мыслях я не рассказывал Березовскому. Спокойно дождался, пока черная «Волга» не пересекла границу города-героя Ленинграда, и на первом же перекрестке вышел, успев, однако, пообещать подполковнику, что обязательно встречу с ним в десять часов возле Казанского собора на Невском проспекте. Машина напоследок умудрилась окатить меня грязью из ближайшей лужи, а я медленно и неторопливо пошел по направлению к ближайшей станции метрополитена.

Моей конечной целью был не замечательный город на Неве, который я тоже очень любил, а независимая ныне Эстонская Республика, курортный городок под названием Пярну. Там, по крайней мере мне очень хотелось в это верить, все еще жила моя первая любовь Рамона, «последствие» минувшего много лет назад летнего отдыха на берегу ласкового Балтийского моря.

* * *

Удивительно, но мне, тогда уже ветерану афганской войны, тридцатитрехлетнему капитану десантно-штурмового батальона, до того самого отпуска чувство любви, о которой судачит как минимум восемьдесят процентов людишек, было совершенно незнакомо. Женщины были, как у всякого нормального мужика, но вот чтобы захотелось видеть ее рядом с собой каждый день, на протяжении многих лет, вместе воспитывать детей, вместе ходить в кино, в театр и в гости... Нет, такого не было. До того дня, пока совершенно случайно я не забрел на так называемый «дикий пляж».

В общем, он и не был никаким официально обозначенным на местности куском прибрежного песка, просто в полукилометре от обычного курортно-санаторного пляжа города Пярну уже давно нашли себе пристанище группы раскрепощенных местных жите-

лей, любивших предаваться солнечным ваннам в костюме Адама и Евы. Влекомый обычным человеческим любопытством, я встал прямо посередине изжаривающихся вокруг меня граждан и стал ошалело вертеть головой, произвольно останавливая взгляд на самых выдающихся образцах женской половины человечества. И дождался.

Жирная, как свиноматка, и, конечно же, полностью голая дамочка неопределенного возраста, совершенно не стесняясь своих отвисших, как уши спаниеля, до самого пояса грудей, на непонятном мне языке начала громко вопить и показывать в мою сторону указательным пальцем. Эстонский я к тому времени как-то не удосужился выучить, но и без этого прекрасно понял, что попал в удивительно дурацкое положение. Абсолютное большинство загорающих на «диком» пляже были здесь людьми постоянными и привыкли не обращать, по крайней мере слишком навязчиво, внимание на лежащих вокруг граждан. И появление неискушенного в нудизме мужика в бело-голубой десантной майке и сшитых из «серпасто-молоткастого» флага шортах никак не могло остаться незамеченным. Я был словно волк в овчарне. Правда, «овцы», один раз обратившие внимание на дикие крики выжившей из ума «фотомодели» с десятком вторых подбородков, снова лениво уткнулись в расстеленные на горячем песке полотенца и покрывала. Хотя строгая радетьельница за соблюдение правила «не обращать внимание» продолжала истошно вопить и никак не хотела опускать нагло уставившийся в мою сторону палец. До тех пор, пока я не проглотил внезапно подкравшийся «облом» и не побрел обратно в направлении общественного пляжа. Но тут, совсем неожиданно, чья-то нежная ладошка тронула меня за локоть. Я почувствовал, как по моему мускулистому и узловатому торсу пробежала едва ощутимая волна «мурашек».

Передо мной стояла девушка с вызывающим зависть бронзово-шоколадным загаром и длинными белыми волосами. Ее очаровательные, словно две маленькие дыньки, формы ненавязчиво подчеркивал салатового цвета купальник. Она легким и незаметным движением сняла солнечные очки и, шурясь от яркого света, весело спросила:

– Вы здесь новенький, да?

Я обратил внимание на небольшой, очень приятный на слух акцент. Потом долго вспоминал, где мог слышать его раньше, и наконец вспомнил некогда всеми любимую передачу «Телевизионные знакомства», завоевавшую огромную популярность не столько содержанием, сколько необъяснимым налетом «заграничности» из-за сильного эстонского акцента ее ведущего.

Девушка говорила по-русски гораздо лучше.

– Да, совсем новенький, – я неловко пожал плечами и позволил себе заглянуть в глубокие, как морская бездна, голубые глаза неожиданной знакомой.

– Здесь все загорают голыми, – просветила девушка и вдруг провела своей маленькой влажной ладошкой по моей бугристой руке. – Какой вы сильный... – как будто замороженная, медленно протянула она. – Вы десантник?

– Что-то вроде того, – я уклонился от дискуссии на эту тему, хотя испытал известное удовольствие от комплимента. Мужчины вообще как дети и очень любят, когда женщины восхищаются их силой, умом, способностями или темпераментом. Вот на такую приманку мы регулярно и попадаемся в умело расставленные слабой половиной ласковые сети!

– Хотите, я расскажу вам про правила этого пляжа? – Девушка слегка прищурилась и, закрывшись от полуденного солнца приставленной к челке ладошкой, приглашающе посмотрела на меня. – Если, конечно, думаете здесь загорать.

– А почему ты сама в купальнике? – Во мне проснулся хулиган и повеса, в правилах которого было всегда и везде задавать бестактные вопросы.

– Потому что здесь кругом люди, а у меня на спине... – Девушка слегка замялась, дотронувшись рукой до нижней правой округлости, скрытой за салатовой тканью, – неболь-

шой шрам. В детстве я лазила за вишнями на дерево, и вдруг сук обломился. Вот и приходится загорать за дюнами или в купальнике.

Я просто поражался непринужденности и раскованности девушки, разговаривающей с совершенно незнакомым мужчиной и так спокойно отвечающей на, мягко говоря, не совсем обыденные вопросы. В тот момент мне просто не удалось сдержать улыбку. А она восприняла это по-своему просто, как согласие с моей стороны, и тут же взяла меня за руку.

– Вас как зовут?

– Валерий...

– Пойдемте, Валера, угостите меня кока-колой, а то очень пить хочется! – Шоколадная красавица потянула меня в сторону виднеющегося вдали пляжного кафе, откуда доносились приглушаемые шелестом накатывающихся на янтарный песок волн звуки музыки. – Меня зовут Рамона. У вас в России, наверное, нет таких имен, правда?

– А почему ты решила, что я именно из России, а не из какой-нибудь там... Литвы? – не очень твердо поинтересовался я, увлекаемый Рамоной в сторону. Но она не ответила, а только громко рассмеялась и еще сильнее сжала мою грубую кисть своей мягкой ладошкой. Только спустя несколько дней, лежа вместе со мной в раскачивающемся под звездами гамаке в саду своего дома, моя загорелая красавица открыла мне эту «тайну».

– Знаешь анекдот про Штирлица?

– Знаю. А какой?

– А такой! – Рамона нежно поцеловала меня в небритую щеку. – Штандартенфюрер Штирлиц шел по центральной улице Берлина и никак не мог понять, что же так сильно выдавало в нем русского разведчика – то ли надвинутая прямо на глаза шапка-ушанка с огромной красной звездой, то ли волочившийся сзади парашют! – И обительница гостеприимного курорта, словно маленькая девочка, крепко прижалась к моей широкой офицерской груди.

Словом, влюбился я окончательно и бесповоротно с первого же дня знакомства с двадцатилетней моей красавицей. Но, увы, отпуск мой был не резиновый. Три недели почти ежедневного загара на нудистском пляже, два десятка страстных и полных сверкающих созвездий ночей, несколько сотен пылких признаний в любви – все подошло к концу. Билет на автобус до Таллина и на поезд до Москвы уже заняли свое место в дебрях моего безразмерного бумажника. Оставалась последняя ночь и всего несколько часов вместе с Рамоной.

Мы молча стояли на аккуратном, уходящем далеко в море причале для прогулочных яхт и никак не могли найти подходящие для расставания слова. Все, что нас окружало, очень смахивало на финальную сцену из высококлассной голливудской мелодрамы. Вечер, море, покачивающиеся на легких волнах яхты, садящееся за горизонт солнце и длинная оранжевая дорога от него, упирающаяся прямо в прибрежный песок. И двое пылких влюбленных, не решающихся начать последний серьезный разговор...

Ах уж эти курортные романы! Сколько про них писали писатели, сколько фильмов снимали режиссеры и сколько невероятных по красоте и душещипательности историй регулярно рассказывают друг дружке сентиментальные женщины! Но они по-прежнему происходят, будоражат кровь и так же неожиданно, как и начались, заканчиваются. За редким исключением. И в тот момент я, уставший от разухабистой офицерской жизни мужчина, надеялся, что именно нам с Рамоной удастся попасть в число тех немногих счастливиц, которые встретились однажды под ласковым пляжным солнцем и уже больше никогда не расставались. Однако на мое предложение вместе со мной уехать в Москву, или, по крайней мере, приехать ко мне позже, загорелая красавица лишь медленно покачала головой.

– Я не смогу жить в России, – как-то слишком печально произнесла Рамона, поправляя растрепавшуюся от вечернего бриза и выгоревшую за лето светлую челку. – Русские – это совсем другие, не похожие на эстонцев практически ничем люди.

– Но ведь со мной ты этого не замечала!..

– Валерочка, ты – не все. Я несколько раз была в Москве и Ленинграде, и каждый раз мне хотелось как можно быстрее убежать из этих грохочущих и кишачих народом мегаполисов, где у большинства людей, ты уж не обижайся, нет ни малейшего понятия о культуре. Я представляю, насколько трудно там живется по-настоящему образованным и воспитанным людям.

Такие слова двадцатилетней девушки, произнесенные еще во время правления потенциального «политического покойника» Константина Устиновича, честно говоря, задели мое самолюбие и неосознанную гордость за «великий русский народ». Так мы и расстались, без всяких обещаний и клятв в вечной любви. Ту ночь я провел у себя в гостинице, где за весь отпуск ночевал едва ли три-четыре раза, и все никак не мог заснуть, поражаясь отношению молодой эстонки к русским и иже с ними. На следующее утро я, как бы между прочим, по дороге на автовокзал прошел мимо небольшого, утопающего в зелени домика Рамоны, где она жила вместе с бабушкой и где я провел, наверно, самые счастливые минуты и часы своей жизни.

Светловолосая загорелая девушка спокойно и размеренно поливала из прозрачного синтетического шланга многочисленные клумбы с цветами. Разлетающийся в воздухе на миллионы мелких брызг поток воды в этот утренний час напоминал внезапно ожившую радугу... Я тихо постоял несколько минут в тени растущей возле дома плакущей ивы, еще раз проводил Рамону все еще влюбленным взглядом и быстрым шагом направился в сторону уже принимающего пассажиров междугородного автобуса.

Спустя неделю после своего приезда в Москву, на одной из вечеринок, куда меня пригласили друзья-офицеры, я познакомился с Мариной. Не знаю, что тогда руководило мной, но уже через три дня я сделал ей предложение, а перед самыми ноябрьскими праздниками она стала моей официальной женой. После проведенных в объятиях Рамоны дней я уже просто не представлял себя без постоянно находящейся рядом женщины. Мне нужно было ежедневно ощущать ее присутствие в доме, без которого жизнь вдруг стала казаться скучной, серой и невыносимой. Впрочем, Марина осточертела мне уже через полгода, и я без малейшего сожаления отправил ее к сдувающему с нее пылинки очередному воздыхателю.

А от Рамоны я время от времени получал поздравительные открытки с пожеланиями счастья, здоровья и успехов в личной жизни. Так продолжалось два года, затем все оборвалось. И вот ровно месяц назад я снова обнаружил в своем почтовом ящике красочную почтовую карточку с теперь уже заграничными эстонскими марками... И так же, как раньше, – ни малейшего намека на что-то более значительное, чем обычные поздравительные эпитеты в честь прошедшего дня рождения. Но каким-то шестым чувством я понял – она меня ждет...

Спустя час после того, как «Волга» Березовского высадила меня возле ближайшей станции метро, я уже сидел в автобусе Санкт-Петербург – Таллин и думал о предстоящей мне через несколько часов встрече.

Равномерный гул двигателя и накопившаяся усталость сделали свое дело – автобус еще не успел выехать за пределы Ленинграда, а я уже спал, не обращая никакого внимания на сидящего рядом со мной мужика с белым, как поросенок, бультерьером на коленях.

Позади у меня был самый трудный и самый сумасшедший день в моей жизни.

3

Сразу же, как только я сошел с автобуса в самом центре Пярну, бросилось в глаза поразительное запустение и неизвестно куда исчезнувший лоск некогда популярного курорта. Несмотря на то, что на календаре еще не закончился отведенный лету срок, а горячее солнце располагало к проведению свободного времени именно на пляже, загорающих почти не было. Пляж находился всего в нескольких десятках шагов от остановки автобуса Таллин – Пярну, так что я, вероятно, более полагаясь на полузабытые воспоминания семилетней давности, чем на логику, первым делом поспешил именно к морю.

Что я надеялся там увидеть? Такие же, как несколько лет назад, жизнерадостные лица отдыхающих? Или толстую эстонку, кричащую во всю глотку при виде случайно оказавшегося посередине обители нудистов мужчины в красных шортах и десантной майке? А может быть, я снова хотел, чтобы до меня, прямо как раньше, дотронулась своей горячей ладошкой незнакомая светловолосая девушка? Ни на один из задаваемых самому себе вопросов я не мог найти точного ответа. Но ноги сами несли меня на место нашей первой встречи с Рамоной.

Конечно, ее там не было. Там вообще никого не было, если не считать мальчишек, гоняющих полусдувшийся футбольный мяч где-то вдалеке. Я аккуратно смахнул с вкопанной в песок скамейки редкие крупинцы песка и сел, внезапно почувствовав необъяснимую свинцовую тяжесть в ногах. Сильный ветер с моря обдувал мне лицо и трепал короткие волосы, уже кое-где просвечивающие неизвестно когда высыпавшим на них серебром седины. Я уже не тот, что семь лет назад... Конечно, сорок – это не шестьдесят и даже не пятьдесят, но тогда, сразу после Афганистана, я чувствовал себя более молодым, более полным энергией и жизненной силой. Как поется в популярной песне: «А годы летят, наши годы как птицы летят...» Позади у меня война, служба Родине и любовь. А впереди?.. Если б знать! Судя по последним событиям – ничего хорошего. По крайней мере, если я не приложу для этого все свои силы, без остатка.

Когда я подошел к знакомому дому, все так же, как и раньше, утопающему в цветах и зеленых кронах заметно повзрослевших деревьев, то в нерешительности остановился перед калиткой и не находил в себе сил переступить на ту сторону, где от забора до дома тянулась выложенная красивой декоративной плиткой узенькая дорожка. Я стоял, переполняемый внезапно нахлынувшими чувствами, что – честное слово – на какое-то время даже забыл о всех казавшихся дурным сном событиях последних двух суток. Я как замороженный смотрел на выцветший и постаревший от времени, солнца, снега и дождя гамак, на котором мы вместе с Рамоной лежали под сверкающим яркими звездами ночным небом и думали о том, что, оказывается, совсем не правы люди, кто считает, что нет в жизни настоящего счастья. Оно есть, и оно сейчас находится в наших руках, наших мыслях и наших сердцах...

Неизвестно, сколько я так и стоял бы в оцепенении, не решаясь толкнуть калитку вперед и сделать всего один-единственный шаг навстречу своей судьбе, если бы не почувствовал, как кто-то тихо остановился за моей спиной. Одолеваемый смутным предчувствием и волнением, внезапно охватившим все мое существо, я обернулся.

Это была *она*! Прямо на меня смотрели глубокие, как море, и голубые, как небо, глаза. За минувшие в вечность семь лет она почти не изменилась. Только мелкие, как черточки, морщинки пролегли возле уголков губ и под глазами. Только строже и тверже стали черты лица. Только короче – волосы, и солидней – прическа. А во всем остальном передо мной была та же двадцатилетняя девчонка, гордая и веселая одновременно. Та, которую я когда-то любил просто до одурения.

– Здравствуй, капитан, – непринужденная улыбка промелькнула и погасла на лице Рамоны. Я сразу же заметил, что акцент ее стал более сильным и резким. Вероятно, за прошедшие годы она мало практиковалась в русском. – Я почему-то думала, что ты приедешь именно сегодня... – Похоже, она несколько смутилась, потому что сразу же отвела глаза в сторону.

– Правда?

– Даже не знаю, почему...

– Ты все такая же красивая и такая же молодая, как раньше. Хотя, это я старею, а ты еще только взрослеешь. Тебе ведь всего двадцать... пять, – умышленно соврал я, – а мне уже сорок.

– А ты все такой же врунишка, как и был, – прикинулся, будто не помнишь, сколько мне лет! – весело и с укором выпалила Рамона. – Ладно, чего стоишь, забыл, как открывается?

– Нет.

– Тогда двигай! – И она подтолкнула меня в сторону калитки. Впрочем, калитка – это не совсем правильно. Калиткой называется то, что открывают в заборе деревенского дома в Рязанской области. Здесь же – маленькая дверца в аккуратном, выкованном опытным кузнецом металлическом заборе, где вместо вертикальных и горизонтальных прутьев причудливые цветы и даже птицы. Папа Рамоны, много лет назад построивший этот дом, отличался не только обеспеченностью, но и определенным вкусом, который в конце концов выразился практически во всем. Когда я впервые пересек порог этого дома, то несколько минут стоял и озирался на лепные гипсовые украшения под потолком и на развешанные вдоль стен картины эстонских и финских художников. Потом ничего, привык.

В доме все осталось так же, как и семь лет назад, за исключением, может быть, незначительных мелочей типа новой кухонной и гостиной мебели, новых обоев на стенах, новых ковров на полу и огромного «мраморного» дога, лениво поджидающего хозяйку возле входных дверей. Так, ерунда, по сравнению с «Последним днем Помпеи», Ноевым ковчегом и Ниагарским водопадом. В остальном все, как и прежде.

– Ну что же, узнаю молодость свою! – продекламировал я, едва успев осмотреться и осторожно покосившись на принявшего боевую стойку дога. С детства недолюбливаю собак и ничего не могу с собой сделать. Единственная псина, которая вызывала во мне положительные эмоции, – это была подаренная мне на день рождения в далеком детстве плюшевая «шавка», привезенная кем-то из знакомых моих родителей из Греции. Вот кого я действительно боготворил, так это ее. Пока друзья на дне рождения не оторвали ей хвост и левое ухо. Пришлось пристрелить, а если точнее – сжечь в печке. Такая вот трагическая история дружбы между человеком и четвероногим другом.

– Не бойся, он не кусается, – выдала сакраментальную фразу всех собачьих хозяев Рамона. – Проходи в комнату, только обувь снимай – там ковры.

«Большое спасибо за предупреждение, а то у меня самого, знаете ли, что-то со зрением плохо!»

Я зашел в знакомую комнату и сразу же без приглашения плюхнулся на мягкий велюровый диван. Рамона вошла следом за мной и села рядом. Какое-то время молча изучала мое лицо, а затем с видом радушной хозяйки предложила кофе.

– Давай, я не против, – кивнул я, вдруг почувствовав себя уютно и спокойно, как дома. «Женщина моей мечты», – внезапно пронеслось у меня в голове, но я тотчас отогнал такие издевательские мысли. Хватит уже, намечтался.

– Ты надолго? – послышался из кухни голос Рамоны, и вскоре она предстала перед моим взором с двумя чашками дымящегося ароматного напитка. Поставила их на столик-бар, придвинула его ближе ко мне и снова села рядом, едва касаясь своим маленьким

плечиком моего, широкого, как стена. – Надолго приехал? – повторила она свой вопрос и улыбнулась. Наверное, если я сейчас скажу, что навсегда, она даже не станет возражать.

– А как ты хочешь?

– Не знаю, – Рамона смущенно отвела взгляд. – Как я могу знать...

– Вот и я не знаю, – я взял со столика чашку и, обжигаясь, отпил крепкий натуральный кофе. Моя давняя знакомая осталась верна себе – пьет только настоящий черный, не какой-то там растворимый порошок, сделанный предприимчивыми европейцами из залежалого корма для крупного рогатого скота. Впрочем, в их представлении именно такого напитка мы больше всего и заслуживаем.

– Расскажи, как хоть у тебя дела, что делаешь, где работаешь? – спросила Рамона и вдруг осеклась, моментально поняв всю абсурдность своих слов. Где может работать офицер Советской Армии? И что он там такое-этакое может делать? – Я хотела сказать, как служба... – поправила себя моя первая и единственная любовь. – Наверное, ты уже генерал?

– Ага, адмирал! – почему-то возмутился я, поставив обратно на стол чашку. – Куда уж нам, неказистым и непородистым, до таких высот! Майор я, начальник охраны одного замечательного загородного объекта, где в ворота время от времени врезаются горящие армейские грузовики.

– Я не совсем понимаю, что ты имеешь в виду, – неуверенно перебила меня Рамона, взяв пальцами за локоть. – Извини, но в последнее время я довольно мало говорю по-русски, может, потому мне плохо ясно...

– Это совершенно ни при чем, солнце мое, я сам еще не все понимаю, – глубоко вздохнул я. – Может быть, попозже и расскажу тебе что-нибудь из этой сумасшедшей истории, но только не сейчас, ладно?

– Ну хорошо, потом так потом. А почему ты не спрашиваешь, как у меня дела?

– А я и так вижу, что хорошо, – я широким жестом обвел комнату, имея в виду полностью замененную за прошедшие годы мебель, да и не только ее. Здесь все поменялось. Может быть, за исключением самой хозяйки.

– Ты ошибаешься, не моя это мебель, и даже Гарик не мой.

– Кто не твой? – переспросил я.

– Пес. Все здесь куплено моим мужем, – Рамона посмотрела мне прямо в глаза. – Бывшим.

– Подожди, подожди! – Я, как оратор, призывающий к тишине слишком расшумевшийся зал, поднял вперед руку. – Ты вышла замуж пять лет назад и развелась... месяца два-три назад, не раньше. Так?

– Нет, не так! Ты решил пойти примитивным путем и просчитать сроки моего замужества по датам, когда я перестала посылать тебе поздравительные открытки и когда, после перерыва в пять лет, снова ее отправила. Но ты не учел, что... Впрочем, тебе не понять женской психологии.

– Куда уж нам, дефективным!

– Не умничай. Если тебе действительно интересно, то я почти три года думала, что ты приедешь. Если женщина не напоминает о себе, это еще не значит, что она о тебе забыла. Просто сначала умер папа, затем я заболела воспалением легких и полтора месяца пролежала в больнице, а потом... Потом познакомилась с Айном.

– С кем познакомилась? – нарочно переспросил я, прекрасно понимая, что речь идет о бывшем муже Рамоны.

– Айн – мой бывший муж! – сердито ответила она, моментально поменяв непосредственное выражение лица на строгую маску. – Я не виновата, что ты не знаешь эстонских имен. Если бы я сказала «Ваня», тебе стало бы легче?

– Не обижайся, солнышко, но я действительно не сплю со справочником эстонских мужских имен под подушкой. И, честное слово, действительно проклинаю тот день, когда мы так глупо расстались с тобой, после твоих откровений насчет жителей Москвы и Ленинграда. Ведь я раньше просто не обращал на это внимания, но потом, год за годом, все больше убеждался в правдивости твоих слов. Культура ушла в подполье.

– Как же много тебе понадобилось времени, чтобы понять все это. Тогда ты не мог видеть свое лицо, а я его видела! Знаешь, кого оно напоминало?

– Нет.

– Красноармейца на плакате «А ты записался добровольцем?». Что, смешно?! Неужели я была не права, когда говорила, что в Пярну жить лучше, чем в Москве? Или когда говорила, что привыкла жить среди культурных людей, а не среди понаехавших во все ваши крупные города грязных колхозных «пролетариев» из окрестных деревень?.. Опять смешно?! – Рамона неожиданно смягчилась, прижалась ко мне и тихо спросила: – Ты был женат?

– Был. Полгода.

– А почему развелся?

– Потому что где-то в глубине души все еще любил тебя. Ведь это было через год после нашего расставания.

– Это ты сейчас так говоришь...

– Нет.

– Еще скажи, что ты меня до сих пор любишь!

Я только ухмыльнулся и промолчал. Действительно, как бы это выглядело после семилетней разлуки и получаса с момента встречи. Даже если это правда.

– Мой муж был членом Народного фронта. Сейчас работает в совместном предприятии с финнами, занимающемся нефтью, – Рамона встала с дивана, подошла к секции и достала из одного из ящиков несколько цветных обрывков, затем протянула их мне. – Однажды вечером мы поспорили, а в итоге он достал мой альбом с фотографиями и стал вырывать оттуда все, где мы снимались вместе с тобой. Он постоянно меня попрекал за то, что я была твоей любовницей...

Рамона ненадолго замолчала, еще раз пристально посмотрела мне в глаза и, не найдя там никакой злобы, крепко прижалась к моей груди и продолжила:

– Тогда я стала кричать на него, затем просить, чтобы он не рвал наши с тобой фотографии, а потом он меня ударил в лицо и сказал, что лично отрежет тебе ухо, когда встретит.

– Чего?!!

– Успокойся, – Рамона погладила меня по голове. – В тот вечер я выгнала его из дома и сказала, что больше никогда его не пушу. Через неделю он позвонил, сказал, что приедет забрать вещи и что больше ему ничего не надо. Он все оставил мне. А спустя месяц я получила повестку на развод. Вот и все.

– Давно это было?

– Полгода назад.

– Чем ты сейчас занимаешься? Работаешь?

– Смотря что ты называешь работой, – Рамона хитро прищурилась.

– Ладно, это твое дело, – я откинулся на мягкую спинку дивана и не спеша стал пить кофе. Некоторое время мы сидели молча, а потом Рамона не выдержала.

– Так тебе интересно, чем я занимаюсь, или нет? – по-моему, обиженно спросила Рамона, оттолкнув меня от себя. Вот так всегда, то прижимаемся, то отталкиваем друг друга! И все – руководствуясь не разумом, а секундным порывом эмоций. Глупо.

– Конечно, интересно! – Я снова прижал ее к себе, на этот раз гораздо сильнее.

– Я пишу книги, – моя красавица произнесла это тихо, как бы извиняясь, и посмотрела мне не то что в глаза – в самую душу. Я даже ощутил теплоту проникших в мое сердце импульсов.

– О чем?

– Угадай!

– Откуда мне знать?.. – Я пожал плечами, взял со столика чашку с остывшим кофе и выпил. – Детективы, наверное. Сейчас все новые писатели детективы пишут.

– У меня есть перевод на русский, и, пока ты не прочитаешь, я тебя не отпущу, – и моя королева ласково провела мне ладошкой по щеке. А я, как всегда, уже который день забываю побриться.

– А сколько у тебя книг? – Неожиданно у меня в голове промелькнула интересная мысль.

«Сейчас скажет: пока только одна, но впереди еще двадцать...»

– Пока одна, – уголки губ Рамоны чуть заметно натянулись. – Но, надеюсь, что не последняя. По крайней мере, я очень хочу в это верить.

– Скажи, ты действительно хотела меня видеть, когда посылала открытку?

– Да, хотела. И очень хорошо, что ты все правильно понял.

Рамона была действительно довольна. Это без труда читалось на ее загорелом и милом личике. Я же стал хмурым и старался не смотреть ей в глаза. Но потом все-таки не выдержал и рассказал почти все, что случилось со мной в последние два дня, нарочно опуская подробности, важные лично для меня и совершенно бесполезные для восприятия Рамонной сложившейся ситуации.

– Значит, если бы не все это, ты даже не подумал ко мне приехать? – обиженно, как ребенок, прошептала она. В данной ситуации ее больше всего волновала не моя, подвешенная в воздухе судьба, а мое личное к ней отношение. Впрочем, так часто бывает у женщин. Ведь в их жизни эмоциям, как правило, отдается первое место, в отличие от мужчин, в большинстве случаев действующих чисто практическими и логическими методами. Но разве можно винить женщину за то, что она женщина? Конечно, нет. И я, как мог, попытался сгладить появившееся после моего правдивого рассказа напряжение.

– Ты не права, солнышко, я действительно обрадовался, когда нашел в почтовом ящике неожиданную весточку от тебя. Но так случилось, что событие это совпало с навалившимися на меня неприятностями, и пришлось воспользоваться твоим «закамуфлированным» приглашением для собственной безопасности. Ну, посуди сама – разве плохо, если можно одновременно решить две проблемы?

– Наверно, нет... – Рамона пожала плечами, встала с дивана и подошла к окну, за которым пышной зеленой голограммой раскинулся аккуратный и ухоженный садик. – Хочешь еще кофе? Или чего-нибудь выпить? Должны же мы, в конце концов, отметить нашу встречу! – Она направилась к встроенному в стену мини-бару и достала оттуда бутылку замечательного сухого вина «Рислинг».

Вопреки своим правилам не злоупотреблять алкоголем в тот вечер я капитально набрался, медленно, но фундаментально осушая запасы спиртного из бара Рамоны. Наверное, нервное напряжение последних двух дней очень нуждалось в разбавлении крепкими, и не очень, напитками. Моя единственная любовь не слишком охотно поддерживала меня, делая глоток вина там, где я успевал пропустить внутрь три рюмки коньяка. Мы говорили обо всем, нарочно не останавливая внимание на личных отношениях, так как любой, пусть даже самый маленький, шаг навстречу друг другу гораздо более весом, чем долгие разговоры на эту тему. Его мы уже сделали и испытывали оттого легко объяснимое чувство эйфории. Поэтому основной темой нашего разговора стала, и этого следовало ожидать, моя недавняя «эпопея» с дискетой. Не знаю, зачем я тогда решился рассказать Рамоне всю правду, но мне

действительно стало легче. Я вляпался в столь грандиозную передрыгу, что скорее всего где-то внутри хотел получить совет – что же мне делать дальше?

– Ты можешь показать мне ее? – тихо и с надеждой спросила Рамона, прикоснувшись ко мне мягкой ладонью.

– Дискета в сумке, в портсигаре, – небрежно отмахнулся я, наливая в рюмку очередную порцию коньяка. – Только ты не сможешь ее просмотреть.

– Почему не смогу? – Брови Рамоны удивленно взметнулись вверх. – У меня наверху, в кабинете, есть компьютер. Ведь не думаешь же ты, что я работаю на обычной печатной машинке?

– Ты меня не поняла. Дискета закрыта в несгораемом контейнере, который к тому же очень устойчив против деформации. А как его открыть – было известно только мертвому генералу Крамскому и «психу» Славгородскому из «Золотого ручья». И еще неизвестно – может, контейнер, при попытке его открыть неестественным способом, рванет так, что ни от тебя, ни от меня, ни даже от твоего чудесного дома не останется и горстки пепла! У меня дома тоже есть компьютер, и неужели ты думаешь, что я не попробовал бы, если это было возможно, просмотреть дискету сам? Но даже не в этом суть. Информация на сто процентов закодирована, и, чтобы ее раскодировать, нужно быть как минимум одним из тех умельцев, что при помощи домашнего компьютера умудряются взламывать системы защиты крупных банков и переводить на свои счета миллионы долларов. Ты можешь такое проверить?

Рамона отрицательно покачала головой.

– Вот и я нет. Так к чему тогда все разговоры, не знаю, – я залпом осушил очередную рюмку и вновь потянулся за бутылкой, не обращая внимания на, мягко говоря, не одобряющий взгляд Рамоны.

– Но я все равно хочу взглянуть на дискету, – спокойно произнесла она и вышла из комнаты в прихожую, где я оставил свои вещи. Вернулась уже не одна – все время сонно лежащий около входных дверей «мраморный» дог по кличке Гарик весело, как щенок, прыгал возле ног Рамоны. Вот только собаки мне еще и не хватало!

– Гарик, лежать! – скомандовала хозяйка, и пес послушно опустился на ворсистый комнатный ковер. Уж всяко лучше, чем на подстилочке перед дверями. Хитрый, ничего не скажешь.

– Он так и спит где захочет? – поинтересовался я, ощутив на себе гипнотический взгляд собаки, с одной стороны, убедительно изображающей из себя сонное царство, а с другой – внимательно, сквозь чуть приоткрытые веки наблюдающей за каждым моим движением.

– А что, ты боишься? – рассмеялась Рамона и с видом заботливой мамочки погладила меня по голове. – Не бойся, на кровать я его не пускаю. И вообще – в спальню...

«Что, простите? Я ослышался, или как? Мне уже открыто намекают, что в первую же ночь я удостоюсь чести почивать на хозяйском ложе?»

– Ну, тогда совсем другое дело! – Я сильно прижал к себе Рамону и впервые после разлуки прикоснулся губами к ее гладкой и мягкой коже на шее. От женщины пахло дорогими французскими духами и кремом для загара. Так как Рамона не сопротивлялась моим объятиям, то я уже собрался незаметно добраться до ее уха, а потом – до губ, но мерзкий пес опять все испортил. Он вдруг зарычал, вскочил и стал оглушительно лаять, шаг за шагом приближаясь к дерзко посягнувшему на хозяйку чужаку, то есть ко мне. Но стоило Рамоне спокойно бросить: «Гарик, на место», – как здоровенная псина тут же поджала хвост, еще раз недовольно оглядела сидящего на диване гостя и трусцой убежала в прихожую. Хорошо, что хоть слушается, а то вообще была бы «труба».

– Принесла?

– Конечно.

– Тогда давай посмотрим повнимательней, ради чего угробили уже как минимум пяти-рых человек...

И я открыл серебряный портсигар.

Серебристый, очень напоминающий «допотопную» промокашку для печатей, только гораздо более тяжелый плоский предмет сейчас лежал на столике-баре передо мной и Рамоной. Поверхность контейнера, где – хотелось в это верить – находилась дискета с секретной психотропной программой кодировки человеческого разума, была совершенно гладкой. За исключением вытисненных на одной из торцевых сторон цифр «482». Что они обозначали, можно было только гадать.

Но самым интересным моментом во всем контейнере являлась невозможность хоть как-то понять, с какой стороны и при помощи чего он вскрывался. Отчетливо виднелась линия соприкосновения двух совершенно одинаковых половинок, но определить, каким образом они крепились друг к другу, представлялось весьма неразрешимой задачей. И достаточно было пару минут повертеть контейнер в руках, чтобы однозначно понять – своими силами вскрыть его невозможно. А значит, добраться до дискеты могут лишь немногие посвященные в *тайну* люди. Наверняка я знал одного – профессор Славгородский из «Золотого ручья».

– Надо спрятать ее, – безапелляционно предложил я. – И лучше всего, если ты не будешь знать о ее местонахождении. Поддержи собаку, а я схожу, осмотрюсь.

– Думаешь найти подходящее место в саду? – с интересом спросила Рамона.

– Или в доме, или еще где-то... Я еще сам не решил. Посиди пока здесь, минут тридцать-сорок.

– Может, лучше завтра, когда трезвый будешь? – нетвердо предложила Рамона.

– А кто тебе сказал, что я пьян?

– Сама вижу, не нужно мне ничего говорить. Посмотри на свои глаза в зеркало, – и моя красавица отмахнулась от меня, как от назойливой зеленой мухи. – Делай что хочешь, мне все равно.

– Собачку-то поддержишь?

– И не собираюсь, сам выкручивайся. Цапнет за одно место, очень хорошо!

Рамона демонстративно вытянулась на велюровом диване и стала очень похожа на висящий у меня дома на стене плакат Саманты Фокс. А точнее – на изображенную на нем фотографию. Семь лет назад, пораженный удивительным сходством с популярной английской певицей, я даже какое-то время называл Рамону Самантой, пока она в ультимативной форме не потребовала должного к себе отношения. Пришлось уступить. Когда я вернулся после проведенного в Пярну отпуска обратно в Москву, то про себя начал называть висящую на стене в гостиной девушку не иначе как Рамоной. Ничего не поделаешь – сила привычки!

– Значит, не хочешь помочь беглому дезертиру, да? – Я нагнулся над лежащей, словно фотомодель, Рамоной и ощутил ее горячее дыхание.

– Пьяному – нет, – категорически отвергла она. – Дай мне вина!

– А еще чего?

– Больше ничего. Хочешь идти – иди, а ко мне не приставай.

– А то что будет?

– А ты попробуй, сам увидишь!

И я попробовал. Оказывается, ничего плохого мне не грозило. Даже наоборот – очень понравилось. Особенно оказавшийся слишком скрипучим диван и громкие всхлипы страстной молодой женщины. Надо признать, что прошедшие со дня нашей первой встречи семь лет и две недели пошли Рамоне только на пользу.

Вечером мы пошли в ресторан, и Рамона накормила меня каким-то эстонским национальным блюдом с креветками, после которого мне снова захотелось смять ее в своих объ-

тиях. Но сделать это оказалось не так легко, потому что сразу после ресторана она потащила меня к какой-то своей подруге, которой, как оказалось, уже успела рассказать о капитане десантно-штурмового батальона, очень полюбившем когда-то кататься на водных лыжах за несущимся впереди катером.

Но вряд ли характеристика в мой адрес со стороны Рамоны на этом ограничилась. Ее подруга засыпала меня вопросами такого содержания, что иногда мне всерьез приходилось взвешивать каждое слово, прежде чем дать ответ. Неужели я в то далекое лето успел столько всего наговорить, в том числе и о некоторых подробностях моего «афганского отпуска»? Например, как мы вместе с лейтенантом Саблиным меняли БТР на водку или как по причине лютой злости ко всему «борющемуся за независимость» народу южного соседа не смогли довести до расположения части одного из известных командиров моджахедов, сделав ему «испанский воротник». Воистину любовь развязывает язык получше боли!

После посещения подруги мне все-таки удалось затащить Рамону на пустынный пляж, где на хранящем тепло ушедшего дня песке я показал своей единственной за всю жизнь любимой женщине, что за минувшие годы я отнюдь не стал более холодным и невосприимчивым к женской ласке. А потом мы долго купались в теплых водах Балтийского моря, плавали наперегонки до буйков, где я нарочно проигрывал Рамоне в скорости, доводя ее до радостного визга после одержанной в заплыве «победы», а в довершение всего – поймал небольшую медузу и засунул красавице в купальник. Что там началось! Я уже на полном серьезе стал молить Бога, чтобы неторопливые и рассудительные эстонцы не вызвали полицию, заслышав в вечерних сумерках нечеловеческие вопли, доносящиеся со стороны пляжа.

Но все обошлось, и я, не отделившись одной-единственной несильной оплеухой, вынужден был почти целый километр нести Рамону на руках до самого дома. За этот титанический труд моя радушная хозяйка сварила мне кофе и сделал пару бутербродов с копченой треской. Ночь была бурной и бесконечной. Я уснул только тогда, когда над горизонтом появились первые оранжевые лучи солнца. Рамона почти не спала и с самого утра ушла в расположенный по соседству кабинет, где долго работала на компьютере. Краем уха, сквозь полудрему, я слышал пробивающийся откуда-то издалека – вероятно, с территории соседнего дома – голос диктора российского радио. Он сообщал, что мятеж подавлен и что президент Союза вернулся в Москву. А также о том, что в ближайшие дни будет обнародован Указ о предоставлении долгожданной независимости трем прибалтийским республикам – Литве, Латвии и Эстонии.

* * *

Проснулся окончательно я только в половине двенадцатого, от вновь появившегося ощущения близости женского тела. Лениво потянулся, зевнул и заспанным голосом поинтересовался, сколько уже «натикало» на часах.

– Пора вставать, – растаяла в воздухе туманная формулировка, произнесенная нежным ангельским голоском. – Ты еще не проснулся? – уже сердито поинтересовался голосок спущенный несколько секунд.

– Проснулся.

– Тогда готовься к походу в магазин. Надеюсь, у тебя нет бюджетного кризиса?

– М-м-м... – повертел я головой, из которой окончательно улетучились остатки сновидений.

– Вот и замечательно. А я пока поваляюсь в постели, на твоем теплом местечке! – И кто-то несильно, но настойчиво подтолкнул меня в бок, выгоняя с мягкой кровати с водяным матрацем.

Магазинов в Пярну много, так что далеко ходить не пришлось. Я наскоро набрал всего самого необходимого, даже несколько сверх того, и не спеша направился обратно. Сколько меня не было рядом с Рамоной? Может, пятнадцать-двадцать минут...

Я с наслаждением выкурил сигарету, раздавил ее носком ботинка и вошел в дом, неся в обеих руках полиэтиленовые пакеты с покупками. Поднялся по ступенькам, ногой толкнул дверь и зашел внутрь. И сразу почувствовал, что здесь все изменилось. Что именно – сказать не мог, но шестое чувство включило громкий и пронзительный сигнал тревоги. Испытанные в переделках профессионалы очень часто обладают вымуштрованной и проверенной в делах интуицией, подчас безошибочно определяя укрывшегося на местности врага или время начала атаки противника. Но это было давно, и оттого чувство опасности сработало у меня слишком поздно.

Я вдруг ощутил у себя за спиной незримое присутствие, и в ту же секунду что-то тупое и тяжелое с размаху «погладило» меня по голове. Говорят, что после сильного удара у человека начинает что-то плавать перед глазами, появляются звездочки и тому подобная ерунда. Не знаю, как у кого, но тогда я не испытал подобного блаженства. Я отключился мгновенно, никуда не проваливаясь и ничего не видя перед глазами. Я не успел даже почувствовать боль. Просто рухнул, как мешок цемента, вместе со своими пакетами.

А очнулся уже именно от боли. Чья-то тяжелая нога в начищенном и вылизанном ботинке сильно наступила мне на руку. Да так, что начала разрываться кожа и едва не затрещали тонкие кости пальцев.

– А-а-а! – непроизвольно выкрикнул я, инстинктивно пытаюсь вытянуть придавленную к полу кисть, чем еще больше увеличил резкую, пронизывающую все тело боль.

– Очухался, Рэмбо? – донеслось из-за спины. – Соловей, отпусти его.

– Так это ж левая! – отозвался сверху тяжелый бас, и каблук дорогого ботинка нехотя отпустил мою «клешню», напоследок топнув на ней с удвоенной силой.

– А-а, с-сука!.. – что есть силы выкрикнул я, за что получил несильный удар ногой в спину, снова припечатавший мое лицо к коврику для вытирания обуви.

– Между прочим, товарищ майор, зря вы делаете резкие движения, – опять услышал я властный и спокойный голос. – Если не станете прикидываться идиотом, а согласитесь переговорить со мной, то больше никто не будет делать больно ни вам, ни вашей замечательной подруге.

– Чего надо?! – выдавил я сквозь зубы. – По-моему, ты ошибся адресом...

– И ради праздного удовольствия называю вас, Валерий Николаевич, по званию. Хотите, расскажу всю вашу жизнь, с момента пересечения границы с дружественным Афганистаном? – ехидно предложил собеседник. – Или назову номер служебного телефона в «Золотом ручье»? Который уже, кстати, вам не принадлежит. Обязанности начальника охраны сейчас возложены на капитана Саблина, вашего, если не ошибаюсь, друга. Еще что-нибудь интересует? Спрашивайте, не стесняйтесь. У нас есть время на разговоры.

– Дайте встать с пола, – для начала я решил не усложнять обстановку, а как можно более точно сориентироваться в возникшей ситуации.

– Вставайте ради Бога, – все так же размеренно разрешил невидимый собеседник. – И вытрите, пожалуйста, сметану с лица, а то вы очень мне напоминаете персонажа из фильма про тетю, которому в рожу запустили торт.

Только сейчас я заметил, что купленная мной кисломолочная продукция растеклась по полу бесформенной лужицей. Остальные продукты разлетелись в радиусе метра вокруг меня. Кое-какие из них, например шоколадное масло, уже были раздавлены «костылями» стоящего рядом Соловья. Ничего не скажешь, подходящая кликуха для двухметрового мордоворота!

– Тебе же сказали русским языком: поднимайся на ножки, козел! – Он снова пнул меня ботинком, и на этот раз «главный» не стал его бранить или призывать к спокойствию. Воспитывают... Ну хорошо, посмотрим, что будет дальше. И не дай Бог вам, ублюдки, допустить промашку – живого места не оставлю!

Я поднялся сначала на колени, а затем на ноги. Я им нужен, и просто так никто не станет вышибать из моего брэнного тела бессмертную душу. По крайней мере, пока не получит то, что хочет. А хочет он... Впрочем, это даже идиоту понятно.

После того как я принял вертикальное положение, наконец-то появились перед глазами звездочки. В компании с кривыми зеркалами, делающими окружающие предметы уродливыми и размазанными. И, плюс ко всему, начала болеть принявшая приличный удар голова. Я едва удержался на ногах, успев опереться уцелевшей рукой о стену. Вторая же, подобно измочаленной плетке, безвольно болталась вдоль туловища.

Передо мной стояли двое удивительно похожих друг на друга мужчин. Близнецы. С одинаковыми прическами, костюмами и даже выражением лица. И оба – с пистолетами, направленными в мою сторону. Синхронные движения близнецов неожиданно вызвали у меня сильный приступ рвоты, и я уже не мог его контролировать. Вчерашний ужин присоединился к размазанной по полу сметане.

– Тьфу ты, мать твою! – громко выругался Соловей и, сплюнув, покосился на «главного». Вернее – на «главных». Так как в этот момент для меня их было двое. Непонятно лишь, почему громила – один? Вероятно оттого, что если бы его раздвоить, он не поместился бы в поле зрения.

Близнецы между тем стали потихоньку сближаться. Вот соединились их руки, далее – туловища, и только голов все еще было две. Но потом и они непонятным способом срослись, завершив тем самым прямо на моих глазах создание нового человека. Которого я смог наконец рассмотреть более внимательно. Это был не молодой уже, лет сорока восьми – пятидесяти, мужчина в черном строгом костюме и с безукоризненным «каталожным» лицом. Как из модного журнала. Взгляд его очень напоминал взгляд большого начальника, а поза и манеры еще увеличивали это определение. Сзади него я заметил сидящую в глубине комнаты и совершенно побелевшую от страха Рамону, которую зорко охранял еще один бугай, так же облаченный в черный дорогой костюм. Я обернулся и более придирчиво осмотрел стоящего сзади меня Соловья. Совершенно ничего не выражающая рожа, и тоже одет в черный костюм. Неужели я попал к гангстерам, в Чикаго тридцатых годов?! Сейчас узнаем, что за комы с горы.

– Что вам от меня надо? – спросил я довольно наглым тоном, не позволительным для находящегося в моем положении человека.

– Не знаешь... – покачал головой «главный» и, кивнув Соловью, спрятал пистолет в наплечную кобуру. – Ну-ну! – Он прошел несколько шагов в одну и в другую сторону, а затем резко обернулся, обнажив все свои керамические зубы. – Дискету, конечно! Которую ты взял у генерала. И не придуривайся лучше, все равно не поможет. Мне все про тебя известно, начиная с детского горшка и заканчивая подбитым вертолетом, так что своим упрямством ты только усложняешь себе жизнь. Зачем тебе вещь, которой ты не можешь воспользоваться?... Молчишь! Правильно делаешь, потому что нечего сказать. А я не очень хочу читать тебе нотации. Просто ты отдаешь мне контейнер с дискетой, а взамен получаешь жизнь, свою и вот ее, – мужчина кивнул в сторону Рамоны.

– У меня нет никакой дискеты, – почти натурально я придал своему лицу выражение удивления. – Генерал попросил меня отвезти его вместе с чемоданом в какое-то, только ему одному известное место, но вертолет подбили, и я едва не свернул себе шею. Меня сейчас наверняка разыскивают как изменника Родины, и все из-за того, что я единственный мог

управлять этой американской «стрекозой»! Надо было оставаться на территории и положить на все проблемы вашего генерала большой и толстый член.

– Во-первых, генерал не наш, а во-вторых, в «ноутбуке» был контейнер с дискетой, который пропал. Кроме тебя, там никого не было.

– За исключением «псов» в камуфляже, учинивших перестрелку в самом центре страны. У них и спрашивайте свой контейнер. Я только свою шкуру спасал, мне не до дискет было! Тем более что едва я выпрыгнул, как «вертушка» свалилась прямо на труп генерала. Я что, в огонь лазил?! – Мне приходилось почти кричать, чтобы убедить незваных гостей в своей непричастности к их темным махинациям. Но «главный» только улыбался, а Соловей даже несколько раз фыркнул, показывая всем своим видом, что не верит ни одному моему слову.

– Еще хоть раз скажешь неправду... – «Главный» подошел ко мне вплотную и погрозил толстым кражистым пальцем прямо перед моим носом, – твоей красивой девочке сделают совсем больно. Но сначала она посмотрит, как ты будешь плевать пеной, как эпилептик, оттого, что тебе в рот засунут электрический провод от утюга! Не пробовал такое? По-моему, давно пора.

– Я все вам сказал, больше нечего, – мне пришлось мобилизовать весь остаток воли, чтобы ни одним движением мускулов не выдать охватившего меня страха. Завтрак из электрического тока сегодня не входил в мои радужные планы.

– Альберт, поищи провод и ближайшую розетку, – равнодушно выдохнув, приказал кому-то «главный». – Валерий Николаевич оказался куда большим кретином, чем я о нем думал еще двадцать минут назад.

Оказалось, что помимо Соловья и громилы, неотступно «пасущего» Рамону, здесь находился еще один представитель их «организации», материализовавшийся буквально из воздуха перед моими глазами. Небольшого роста, с рыжими выющимися волосами и носом-рубильником, он напоминал римского инквизитора. И тоже был одет в черный деловой костюм. Просто инкубатор какой-то.

Расторопный Альберт между тем довольно быстро сориентировался в доме, нашел в ближайшей комнате удлинитель, оголил один его конец, аккуратно освободив от изоляции при помощи ножниц, растянул два металлических уса больше чем на полметра в стороны и дал знак Соловью, который тут же заехал мне «кувалдой» прямо по кровоточащему месту на голове, уже испытывшему силу и вес его кулака. Я охнул и снова провалился в черный колодец, успев утащить с собой в бездну лишь обрывок отчаянного крика Рамоны.

– Эй, жмурик! – Первые слова, услышанные мной после пробуждения, не вселяли никакого оптимизма. Я уже не сомневался, что, скажи я им местонахождение дискеты, головорезы все равно, не раздумывая, оторвали бы мне сначала руки, затем выкрутили ноги, а потом – проломили череп. Так что исход один. Но это в случае, если разбирались бы они со мной одним. Но рядом Рамона, вынужденная теперь расплачиваться за вновь вспыхнувшие ко мне чувства и предоставленный кров. Несправедливо.

«Думай, майор, соображай! Ищи выход».

Как только я открыл глаза и осмотрелся по сторонам сквозь застилающую глаза красную пелену, настроение мое моментально сошло на нет. Я крепко привязан к стулу, раздет догола, если не считать носков и порванной везде, где только возможно, рубашки без пуговиц. Один отвод оголенного на конце провода держит в волосатой рыжей лапе садюга Альберт, а второй крепко обвязан у меня... чуть ниже паха. Прямо там, сволочи!

Я почувствовал, как все тело начинает трясти, будто ток уже включен, и как встает дыбом каждый волос на моем кожном покрове.

– Где дискета? – опять спокойно спросил «главный», расплзаясь в отвратительной гадкой улыбочке. Он достал из кармана пиджака деревянную трубку, кожаный мешочек с таба-

ком и не спеша стал набивать им курительный допотопный прибор. Пижон хренов. Сигареты его не устраивают. Попадают же еще на свете такие показушники.

– Куда вы дели Рамону?! – рявкнул я, неожиданно обнаружив ее отсутствие на прежнем месте. Не было и одного из громил.

– Волнуешься? – «Трубочник» с надеждой взглянул мне прямо в глаза. Я заметил, что выражение его зеленых «пуговиц» не такое уж невозмутимое по сравнению с внешним видом их хозяина. Он начинает сомневаться? Но пытку все же приготовил. Черт ублюдочный.

– Ты скажи мне, где контейнер генерала Крамского, я сразу отпущу тебя и твою белобрысую шлюху, – мужик начинал играть на нервах. – Рот у нее хороший, рабочий... Ты ведь должен это знать, правда, майор без штанов? – И он громко расхохотался, сразу же поддержанный Альбертом и Соловьем.

Надо признаться честно и без бравады – чувствовал я себя полным кретином. Рамону увели неизвестно куда, а я, герой, мать вашу, сижу привязанный к стулу, с опутанным электропроводом концом! Тут есть только два выхода – молчать, как Зоя Космодемьянская, и позволить медленно и мучительно изжарить себя на электрическом стуле, или – рассказать все и...

– Приведите ее! – рявкнул я что было силы. – Иначе никакого разговора не будет.

Громилы переглянулись, «главный» быстро сориентировался, кивнул, и Соловей направился к ведущей на второй этаж лестнице. Он сделал буквально три шага, как до меня донесся пробивающийся сверху крик Рамоны. Я чисто машинально дернулся, едва не опрокинув стул вместе с собой, а Соловей бросился бегом по ступенькам. Заволновались и двое оставшихся. «Главный» нервно поднес к трубке две зажженные спички, раскурил, свистя воздухом, и выругался.

– Маньяк, в рот ему ноги! Не может просто так на бал смотреть...

Я еще раз, опять по инерции, дернулся, и сразу же кулак с рыжими, как кляксы, веснушками с размаху въехал мне в челюсть.

– Сиди, падла, – сквозь зубы процедил Альберт, нагнувшись ко мне, к самому рту. – А то разом гланды вырву.

– То-то я смотрю – тебе уже вырвали, картавишь! – не сдержался я.

– Ах ты-ы... – зашипел от ярости рыжий и уже размахнулся для очередного удара, но тут на его запястье легли крепкие пальцы «главного».

– Поаккуратней! Зачем он мне мертвый и без дискеты? Всеу свое время, успеешь еще, – он выпустил в лицо Альберта мутный сноп синеватого дыма. – Вон, и дамочку уже ведут... Сейчас разговор будет.

Рамона, в сопровождении Соловья и другого мордоворота, спускалась по винтовой лестнице. Она дрожащей ладошкой размазывала по лицу слезу и все искала глазами меня. Наконец наши взгляды пересеклись. Секунды хватило на то, чтобы я несколько расслабился. Все в порядке, Соловей успел вовремя. Когда я смог разглядеть внимательней второго «гангстера», то с удовлетворением отметил распухающую ссадину у него под левым глазом. В их «организации» все-таки еще следили за порядком.

Соловей подошел к «главному», хотел что-то сказать, но тот небрежным движением руки пресек его.

– После будем решать, что с ним делать, – он строго оскалился в направлении получившего в глаз «коллеги». – Надо с Валерием Николаевичем закончить и ехать обратно. Давай, Альберт, за работу, – и «главный» отвернулся в сторону, пыхтя трубкой.

Я даже не успел сжать зубы, чтобы не прикусить язык во время конвульсий, как рыжий инквизитор вставил сетевую вилку в розетку и свободным концом провода полоснул мне по спине...

Огненный вихрь в считанное мгновение вошел в податливое тело и разорвался внутри. Сразу мириады молний, шипящих и клокочущих раскаленной плазмой, пронесли от спины до паха, от мозга до пальцев ног, сокращая до железной плотности мышцы и выбивая остатки сопротивления из умных, но бессильных перед адским пламенем нервных клеток...

– А-а-а-а-ш-ш-ш-ш!.. – Из моей груди с шипением и слюной вырывался воздух, выдавливаемый дыхательными мышцами через сведенную электрическим спазмом глотку. Руки и ноги вдруг наполнились такой титанической силой, что, не прекрати Альберт свою пытку, они могли бы разорвать связывающие меня веревки, и без того не отличающиеся особой прочностью, а потому намотанные мне на запястья и щиколотки множеством неровных рядов.

– Не останавливайся надолго, – приказал рыжему «главный», стоя лицом к окну и спиной ко мне, плюющему пеной и трясущемуся, как от одновременного укуса ста пауков-тарантулов. – Дал глоток воздуха – и снова прикладывай... Чтобы не расслаблялся.

Альберт был послушным мальчиком и строго следовал советам старшего, в результате чего я начисто потерял счет времени и вообще перестал что-либо соображать. Охваченный пламенем мозг из сложного биологического компьютера вдруг превратился в глупую одноклеточную амебу, с примитивными рефлексам и одной-единственной целью – выжить! Любой ценой.

При любой другой пытке, кроме электрической, даже самая невыносимая боль – от каленого железа, выплеснутой на кожу кислоты или заворачиваемых в кости шурупов – не затрагивает мозг напрямую, только посредством сложных нервно-периферийных связей. Их можно блокировать, потеряв сознание или отключившись от восприятия чувствительных рецепторов, чему меня еще много лет назад научили матерые инструкторы десантно-штурмового батальона. В Афганистане такая наука как нельзя более кстати пригодилась тем из ребят, кто попадал в плен к «духам» и нередко принимал мучительную смерть. Некоторые осваивали науку отключения восприятия до такой степени, что молча, с белым как мел лицом, переносили выкалывание глаза или вырывание пальцев.

Но электрошок – совсем иное. Здесь мозг подвергается такому же воздействию, как и весь остальной организм. А если принять во внимание более сложную структуру нервных клеток, то и в несколько раз большему. И из всех его сложнейших функций реально продолжает работать только одна – на выживание. Ее невозможно контролировать силой воли и разума. Потому что электрошок уничтожает и то, и другое.

И я сломался. На очередном сеансе «альбертотерапии».

– Все врешь! Мы были на месте падения вертолета еще до появления военных. Он упал на труп Крамского, когда в чемодане уже не было контейнера с дискетой! Его взял ты, упрямый идиот!.. – «Главный» нервно грыз конец трубки и уже не надеялся получить от меня хоть какую-нибудь информацию о секретной программе, как вдруг из моей глотки сами собой вырвались разбавленные урчанием пены и шипением воздуха слова:

– И-ш-ш-р-р-р... С-у-у-м-м-м-к-а-а-а... С-у-у-у-м-к-к-к-а-а!!!

– Что-о?! – словно подброшенный пружиной, обернулся «главный», и его едва не вытошнило при виде пузырящейся у меня на губах пены и посиневшей кожи. – Сто-о-п!!! Прекрати-и-ть!!!

Альберт убрал провод от моего тела, а Соловей, то ли от страха, то ли для перестраховки, сразу же выдернул сетевую вилку.

– Повтори, что ты сейчас сказал! – кричал «главный», наклонившись надо мной. – Сумка? Какая сумка? – Он не выдержал ожидания, пока я приду в себя, повернулся и вцепился звериным взглядом в сидящую на диване Рамону. Но она ничего не слышала, а только тихо раскачивалась из стороны в сторону в беззвучной истерике, закрыв мокрое, мертвецкого цвета лицо руками.

– Сумка... коридор... там... – Мои губы едва шевелились. Я уже не соображал, что делаю. Я лишь понимал – ток отключен... отключен... Значит, у меня есть шанс... еще немного пожить...

Громилы бросились к небольшому коридору, ведущему от входной двери к сауне. Там по правой стороне был гардероб – совсем маленькая комнатка, полтора на два метра. На верхней полке, рядом с пылесосом, лежала и моя спортивная сумка «Адидас» со спрятанной, если так можно сказать, дискетой покойника Крамского. Из-за нее я сам едва не расстался с жизнью, уже четвертый раз за трое суток. Такого не было даже во время «южного фестиваля с моджахедами». Там в среднем приходилась одна возможность на день. Растем!

– Нашли! Вот контейнер! – В комнате снова появились Соловей с Альбертом.

Инквизитор протянул заметно повеселевшему «главному» мой серебряный портсигар и впервые за время нашего «знакомства» обратился к нему по имени:

– Ян Францевич, точно она?

– Безусловно. Спасибо, Альберт, за работу. Скажешь командиру – пусть разрешит тебе отпуск.

– Да я пока не собираюсь... – пожал плечами рыжий.

– Тогда скажешь, чтобы не разрешил! – Ян Францевич заметно повеселел и, перестав наконец любоваться дискетой в серебристом гладком контейнере, подошел ко мне ближе и с каким-то удивительным уважением взглянул в мои глаза, все еще красные и мутные.

– Знаете, Валерий Николаевич, а я поменял о вас мнение. Вы не идиот – вы хорошо вымуштрованный, хотя и непонятно, кому преданный, сторожевой пес. Ума не приложу, ради чего такие жертвы? Не проще было сразу отдать ее нам? – «Главный» взвесил в руке металлическую коробочку. – А ведь могли не выдержать, умереть от разрыва сердца. Верно, Альберт?

Инквизитор расплылся в ухмылке и кивнул.

– Живучий, гад...

– Но вы предпочли унести с собой в могилу информацию, совершенно случайно, – я подчеркиваю – случайно оказавшуюся в вашем распоряжении. Хотя оставался шанс, примерно пятьдесят на пятьдесят, что мы перевернем весь дом и найдем-таки контейнер с дискетой.

– Издеваешься... падла... – прошипел я, облизывая распухшие и посиневшие губы.

– Нисколько, товарищ майор Бобров, я над вами не издеваюсь, – тоном профессора продекламировал Ян Францевич, вытряхивая прогоревший в трубке табак в стоящую на журнальном столике пепельницу. – Сколько можно, вы сопротивлялись. Потом мозг, почувствовав опасность прекратить свое существование уже спустя несколько секунд, перестал слушаться хозяина и решил спасти сам себя. Не более того. Так что вашей вины здесь нет ни капли. Я ведь психиатр, Валерий Николаевич, и очень хороший, знаю все тонкости воздействия электрошока на нервы. И вынужден признать, что вы – единственный, кого я видел, кто смог исчерпать до дна источник разума. За ним уже только бездна, увы, человеку не подвластная.

«Главный» замолчал, присел напротив все еще находящейся в беззвучной истерике Рамоны и с минуту наблюдал за ней. Затем перевел взгляд на меня, голого и подавленного.

– Отвяжите его, пусть оденется и приведет себя в порядок, – приказал громилам Ян Францевич.

Затем он встал, положил свои пальцы на шею Рамоне, еще раз оглядел меня, страшно улыбнулся и надавил пальцами на ее белую кожу, чуть ниже уха... В то же мгновение Рамона вскрикнула, оторвала от лица руки, жадно схватила несколько раз ртом воздух и вдруг громко и отчаянно разрыдалась. Ян Францевич вывел ее из состояния шоковой депрессии, и я больше не сомневался – он действительно психиатр. В окружении отъявленных головорезов.

«Кто он такой?! И на кого работает?»

– Вы тоже приведите себя в подобающий для красивой женщины вид, – «главный» заметно переменялся с тех пор, как заполучил заветную дискету: и сейчас вел себя действительно как нормальный – не чета трем другим подонкам – человек. В какой-то миг я даже подумал, что именно теперь он стал самим собой, сорвав с лица вынужденно натянутую маску безжалостного убийцы. И еще я понял главное – он не собирается нас убивать. Для этого совсем не обязательно наводить марафет потенциальной жертве. Хотя... Открытое двойное убийство или, к примеру, автомобильная катастрофа, несчастный случай на воде или, чем черт не шутит, пожар – совсем другое. Здесь не станут искать виновных. Главное, чтобы потом опытные эксперты-криминалисты установили – смерть произошла в результате несчастного случая. А небольшие повреждения на телах покойников могли быть получены накануне где угодно – от пьяной драки до банального падения с крутой винтовой лестницы, какая и была в доме Рамоны.

Я лихорадочно умывался, одевался под зорким присмотром Соловья и все еще не мог окончательно для себя определить, зачем бандитам понадобился весь этот маскарад? Я очень надеялся, что не для жуткого смертельного фарса. Если б знать точно их замыслы, то можно было попробовать внезапное сопротивление с шансами один из ста на спасение. Левая рука слушалась совсем плохо и не могла принести пользы. Все остальное тело чудовищно ныло, все еще продолжаемое сотрясаться конвульсиями, надолго «свихнувшихся» после электро-терапии измученных мышц. Но я был развязан!

«Эх, знал бы прикуп – не работал, жил бы в Сочи!» – вспомнилась мне старая как мир воровская поговорка. Да, если знать...

– Эй, извращенец! – окликнул Ян Францевич мордоворота с ссадиной под левым глазом. – Иди, подгони машину к дому.

Тот послушно покинул помещение и скрылся за дверью.

– Что вы собираетесь с нами делать? – спросил я у «главного». Тот ответил сразу и без лишних слов:

– Взять с собой. Нам нужен ты, а дамочка... Так сказать, на всякий случай. Ведь вы, Валерий Николаевич, не хотите делать ей плохо?

– У всего есть разумные пределы.

– Совершенно с вами согласен. Но, уверяю вас, никто больше не станет привязывать за ваш член электрический провод. И трогать руками, без особой на то надобности, дорогую для вас женщину.

– Что же тогда вы от меня хотите, черт побери?! Чтобы я работал с секретной дискетой или добровольно сдался КГБ?!

– Совсем необязательно. Имейте терпение, товарищ майор, все узнаете в свое время...

Когда мы с Рамоной под конвоем «гангстеров» в черных костюмах шли от входной двери дома к стоящей возле ворот бежевой «Мазде-626», я вдруг вспомнил о псе. За последний час Гарик ни разу не попался мне на глаза.

– Солнышко, где твоя собака? – спросил я у Рамоны, прижавшейся ко мне, как маленькая девчушка к своему папе.

Она ничего не ответила, а только снова уткнулась мне в плечо и заплакала.

Бедная моя, какие неприятности свалились на твою голову из-за непутевого вояки, в одночасье потерявшего все, что у него было.

«Господи, ну скажи мне, зачем я научился управлять вертолетом?!»

– А шавка была нервная, кусалась, пришлось разобраться! – загоготал шедший за нами с Рамоной Соловей.

– Смотри, свиное твое рыло, чтобы с тобой потом не разобрались.

– Поговори еще, чмо! – буркнул битюг и кулаком тут же въехал мне между лопаток. Я едва смог устоять на ногах и с трудом переводил моментально сбившееся от удара дыхание. – Чего встал, как обосранный?! – рывкнул ублюдок. – Шевели поршнями...

И тут не сдержалась Рамона, впервые с момента вторжения в ее дом четверых бандитов.

– Это твой папа плохо шевелил поршнями! Вот и заделал себе мордожопого дауна...

Соловей, вероятно, вышел бы из себя, если бы не заметил появившегося из приоткрывшейся задней дверцы «Мазды» Яна Францевича.

– Быстрее садитесь, не на прогулке! – крикнул он. – Соловей с этими двумя – назад, Альберт – за руль, а ты, извращенец... – он повернулся в сторону водителя, – полезай в багажник. Для тебя нет места. Ты вообще мне не нужен, чувyrло озабоченное.

– Но...

– Я сказал – в багажник!!! Или хочешь с командиром объясняться?

«Гангстер» с начинающим синеть фингалом нехотя вылез из машины, злобно покопился на нас с Рамоной, открыл крышку багажника и враскоряку залез внутрь. А после сам захлопнул за собой «дверь».

На наших с Рамоной изможденных лицах впервые после вторжения появилось подобие улыбки. Мы молча сели на заднее сиденье машины, рядом втиснулся Соловей. Альберт занял место лежащего в багажнике «коллеги».

– На базу, к командиру, – приказал Ян Францевич и снова начал набивать деревянную трубку крепким табаком из кожаного мешочка.

* * *

Мы ехали по ровной и почти пустынной трассе в сторону Чудского озера. За всю дорогу никто не проронил ни единого слова, и только на подъезде к поселку с названием Мустве «главный» коротко бросил, обращаясь к Альберту:

– Здесь направо и до конца...

– Так вы же сказали... – начал было уточнять инквизитор, но осекся, заметив, как нахмурились седые брови Яна Францевича.

«Мазда» свернула на неприметную лесную дорогу, и через пять минут я заметил, как впереди блеснуло залитое солнцем зеркало озера. Я в общих чертах знал эти места, так как время от времени друзья-рыболовы вытаскивали меня на «Чудо» ловить сигов на блесну. Расстояние их не пугало, все они были при деньгах, должностях и машинах.

На самом берегу озера, на высоком обрыве стоял трехэтажный особняк из желтого кирпича, добротный и в меру респектабельный. Сразу чувствовалось, что возводился он не особенно жаждущим «светиться на публику» и, несомненно, обеспеченным человеком, не стремящимся, как некоторые новые богачи, чтобы дом их был способен с расстояния в несколько километров убивать своей неприкрытой роскошью завистливых коллег и случайных прохожих. Посторонних здесь явно не было, подтверждением чему служили небольшие металлические ворота еще на лесной дороге, проехать через которые могли только «свои», так как на высоком столбе рядом с ними находился зоркий глаз камеры видеонаблюдения.

Некто невидимый открыл нам ворота секунд через тридцать после того, как бежевая «Мазда» остановилась рядом с ними. Мы минули еще сотню метров леса и вот сейчас находились прямо перед главным входом в особняк. Справа от него асфальтированная дорожка круто вела вниз, пропадая за массивными железными воротами, под стать дому выкрашенными в темно-желтый цвет.

«Главный» достал из кармана небольшую черную коробочку. Это оказался пульт дистанционного управления воротами подземного гаража. Они плавно поднялись вверх, и

машина въехала внутрь просторного помещения. Едва фары ее пересекли уровень ворот, как Ян Францевич, тоже с пульта, включил внутреннее освещение гаража. Он был пуст, если не считать припаркованной в дальнем конце красной «восьмерки». С противоположной стороны гаража тоже находились ворота, а внутрь самого дома вела одна маленькая дверь на левой стене. Окон не было.

– Приехали, выходим, – буркнул Соловей, вылезая первым. Но на дверце с моей стороны предусмотрительно были сняты все ручки, так что открыть ее можно только снаружи. Пришлось пропустить вперед Рамону, а самому выходить последним. Одновременно со мной, не без помощи Альберта, из багажника «Мазды» вывалился «извращенец».

– Альберт, Соловей, отведите их в комнату для желанных гостей, – почти в рифму выдал «главный». – Я схожу к «пастухам», спрошу, как дела. Двигайтесь! – Он подтолкнул Соловья в спину, а сам вышел через открытые ворота, не забыв, однако, при проходе включить с пульта механизм их опускания. Металлическая «ширма» с равномерным гудением электродвигателей стала закрываться, перекрывая пробивающуюся снаружи полосу света.

– В дверь, вверх по лестнице, на третий этаж, – скомандовал Альберт, для убедительности достав из заплочной кобуры «макаров» и направив его в мою сторону. – Возьми девочку под ручку, а то еще споткнется и упадет, а у нас докторов здесь нету, – и он тихо, как двоечник на задней парте, засмеялся.

– Сам смотри под ноги, Мойша, а то сломаешь свой красивый носик и станешь похожим на русского! – дерзко ответила Рамона. Мне оставалось только поражаться внезапной перемене в ее мягком и добродушном характере. Чем еще женщина может задеть мужика, тем более если он гораздо массивней и сильнее ее? Только словом. Но, в отличие от очень смахивающего на дешевого рэкетира Соловья, Альберт только усмехнулся, проглотив брошенные в его адрес слова, и равнодушно парировал:

– Помолчи лучше, бикса, не то... – Он не нашел подходящих угроз и ограничился обычным плевком себе под ноги, на обклеенный дорогим импортным покрытием бетонный пол гаража.

Мы поднялись на третий этаж, но мне не удалось даже краем глаза осмотреть особняк, так как и на первом и на втором этажах ведущие в жилые помещения двери были прикрыты. На третьем же этаже расположение комнат очень напоминало гостиницу – длинный коридор в форме буквы «Г», с расположенными по обеим сторонам шестью дверями. Одна из них, самая широкая и не похожая на комнатную, вероятней всего вела вниз, на вторую лестницу.

– Сюда заходите, – идущий впереди Соловей достал из кармана пиджака ключ, открыл самую последнюю – торцевую – дверь коридора и жестом велел нам с Рамоной пройти внутрь. Как только мы выполнили его приказ, он тут же закрыл ее и запер врезной замок. Мы оказались в ловушке.

«Комната для гостей» очень походила на номер в гостинице среднего класса, даже можно сказать, что она была несколько лучше. Две аккуратно застеленные кровати, стол с мягкими стульями, большое настенное зеркало, телевизор, телефон, ковер на полу и даже ванная комната с душем и санузлом. Только вот массивная металлическая решетка на окне как-то не очень вписывалась в окружающий ансамбль.

Первым делом я сразу же снял трубку телефона, но, как и следовало ожидать, исходя из здравого смысла, гудков не услышал. Полная тишина.

– О-очень интересно... – буркнул я и стал обшаривать комнату, в надежде отыскать хоть что-нибудь «этакое». Но все было вполне обычным, без признаков специального назначения. Как, впрочем, обычные с виду автофургоны, у которых выхлопная труба заканчивается не снаружи, а внутри крытого кузова. Такие «штучки» очень любили солдаты «третьего рейха» в годы второй мировой войны. Хотя, если опять-таки следовать здравому смыслу, убить нас они могли и в Пярну. Совсем не обязательно для такой ерунды везти нас на другой конец

независимой Эстонской Республики, за сто с лишним километров. А на садистов-маньяков похитившие нас «гангстеры» явно не похожи, даже мордожопый, как обозвала его Рамона, Соловей. Хороша птичка, сто пятьдесят килограммов веса! Я еще заставлю его спеть для меня соловьем, за мной не заржавеет. Только вот очень интересно, зачем я им понадобился? Скорее всего кто-то из их «главных», может, сам Ян Францевич, всерьез думают, что я что-то знаю особенное, раз пять лет был начальником охраны «Золотого ручья».

Если они в курсе разработок профессора Славгородского, то это – на все двести процентов – не обычные городские бандиты, уверен в этом. Но каким образом *они* узнали про секретную программу на дискете у генерала Крамского?! А как смогли оказаться на месте падения вертолета раньше «камуфляжников»? Надеюсь, в ближайшее время хоть что-нибудь прояснится... И, судя по всему, разговор у меня впереди серьезный.

Рамона, едва оказавшись в комнате, тут же, не задумываясь, направилась в душ. Похитители позволили ей собрать кое-какие вещи, помещающиеся в дамскую сумочку. Что само по себе чрезвычайно удивительно. Они что, собираются держать нас здесь неделю? Или две?

Моя спортивная сумка с вещами осталась в Пярну. Там же остались и все мои деньги, но я очень сомневался, что в ближайшее время они нам понадобятся! Такие люди не предъявляют счетов за проживание в номерах с решетками на окнах, даже если посетитель что-нибудь тут испортит – то ли от скуки, то ли от жуткой нелюбви к хозяевам апартаментов.

Я очень боялся, что Рамона, лишь по моей вине втянутая в эту историю, будет ругать меня, плакать, говорить, как сильно она ошиблась, посылая мне поздравительную открытку на день рождения, но, к счастью, получилось совсем не так. Она вообще предпочитала не разговаривать про погибшего пса Гарику, про пытку, учиненную бандитами прямо у нее на глазах, про «извращенца», едва не изнасиловавшего ее и про все прочие беды, вошедшие в ее дом сразу же после моего там появления.

Едва Рамона вышла из душа, она сразу же прилегла на одну из кроватей и тихо попросила, чтобы я лег с ней рядом. Потом нежно прижалась ко мне, поцеловала в щеку и довольно быстро уснула. Ее организм выбрал для истерзанной нервной системы самую лучшую разгрузку – сон. Жаль, я не мог вслед за ней последовать в царство грез, а не мешало бы. Я просто молча лежал, боясь пошевелиться и потревожить ее, и думал, думал, думал – о том, что же уготовила мне судьба на этот раз?

Сотни различных вариантов развития ситуации прокручивались у меня в голове, но самым лучшим исходом по-прежнему оставалась моя смерть. Я не мог сделать для *них* большего, чем уже сделал, – отдал им дискету с секретной программой кодирования человеческой психики. Удобная вещь, не правда ли?

Наконец мысли мои стали более размытыми, формулировки – нетвердыми, и я совсем незаметно погрузился в состояние глубокой дремы. Это нельзя было назвать сном, так как я отчетливо различал все окружающие меня звуки, чуть уловимое шевеление Рамоны, о чем-то вполголоса разговаривающей во сне, как гулко отозвались по скрытому за дверью коридору чьи-то шаги, как они замерли возле вставленного наоборот – чтобы наблюдать за комнатой – «глазка», а после минутной паузы вернулись обратно к лестнице. И наконец, я услышал, как к фасадной части особняка подъехала машина. Спустя десять минут в двери щелкнул замок, и громкий голос Альберта разорвал застывшую тишину.

– Хватит спать, воин! Подъем...

– Что ты хочешь от меня? – Я сел на кровати и сделал презрительное выражение лица. Рамона тоже проснулась, но еще не окончательно, и сейчас усиленно протирала глаза и поправляла волосы. Ох, женщины, не знаю, что должно произойти, чтобы они перестали в первую очередь думать о том, как они выглядят.

– Она останется здесь. Ты, – Альберт ткнул пальцем в мою сторону, – пойдешь со мной. Быстрее шевелись!

Я не стал спорить, сопротивляться, ведь смысла в таких действиях не было никакого, а зашнуровал кроссовки и направился вслед за Альбертом. Около двери стоял еще один, незнакомый мне верзила, сейчас он шел сзади.

Мы спустились вниз, на первый этаж, и там меня завели в просторную большую комнату, своими размерами напоминающую холл гостиницы. Обставлена она была со вкусом, выполненной под старину мебелью из дуба и ясеня, кожаными диванами и креслами, а возле стены находился самый настоящий бар, с копошащимся за стойкой парнем в белой рубашке.

Моего собеседника я заметил не сразу. Он сидел ко мне спиной в высоком кресле, и, пока меня не подвели к нему практически вплотную и не развернули в обратную сторону, я просто физически не мог его видеть.

– А-а, Валерий Николаевич! Садитесь, чувствуйте себя как дома, но не забывайте, что вы в гостях, – обратился ко мне невысокий худенький мужичишка, весь такой маленький, что я даже удивился. Наверное, рост его был едва ли метр шестьдесят – шестьдесят пять, к тому же весил этот человек едва ли не вдвое меньше меня. Но держался он настолько уверенно, что я почему-то чувствовал себя не вполне комфортно, глядя ему в глаза. Куда проще было разговаривать с Соловьем или Альбертом. Я молча повиновался, сел в кресло напротив, мельком заметив лежащую на столике рядом с хозяином пачку «Мальборо».

– Хотите сигарету? – Мужичок перехватил мой взгляд и расплылся в улыбке. – Не стесняйтесь, мы долго будем говорить, так что жеманство тут ни к чему. Может, выпить хотите?

– Хочу. Сто граммов водки и сигарету, – я решил не отказываться. К чему показуха, если действительно хочется выпить и закурить?

– «Смирнов» или «Абсолют»? Сигареты какие? У меня здесь целый бар, так что выберите.

– Водку любую нашу, а сигареты... Пожалуй, «Кэмел».

Я вольготно развалился в кресле напротив мужичка и с интересом разглядывал висящие на стенах комнаты картины. Какое-какие из них мне, как показалось, были уже знакомы.

– Интересуетесь живописью, Валерий Николаевич?! – Брови собеседника удивленно взметнулись. – Картины – моя слабость. Вот эта, например, – он указал на висящую между двух больших окон миниатюру в золоченой рамке, – Рубенс, «Возмездие праведника». Еще в прошлом году на аукционе Сотби за нее давали всего миллион двести тридцать. А совсем недавно мне один шведский банкир предложил ровно два миллиона долларов. Каково, а? – И маленький человечек покачал головой. – Искусство – великая сила... А вот и ваши сто граммов.

Ко мне подошел парень с «бабочкой» и принес на серебряном подносе почти игрушечный графинчик, наполовину заполненный прозрачной жидкостью, и такую же маленькую стопочку. Рядом стоял стакан лимонного сока и лежала пачка «Кэмела».

– А пепел куда? – буркнул я, пожирая официанта глазами, с видом хозяина дома. Он кивнул, на секунду исчез, а затем вернулся, пододвинул ближе ко мне стоящий возле мужичка столик, с его разрешения поставил туда водку, сок и сигареты, принесенную пепельницу с зажигалкой, забрал оказавшуюся пустой пачку «Мальборо» и удалился.

– Выпейте, выпейте, – подбодрил хозяин, наблюдая, как я откупорил стеклянную пробку графина и налил себе полную рюмку. – Вы уж извините моих идиотов за столь некорректное поведение, но сами посудите – вы вряд ли приняли бы предложение посетить мое скромное жилище, совершенно не представляя, с кем имеете дело. К тому же я должен был быть на сто процентов уверен, что дискета генерала находится именно у вас... Да вы не отвлекайтесь, пейте! Слушайте меня краем уха и пейте. И сигареты курите... Говорить есть о чем. Наверное, вы уже не раз спрашивали себя: «Что же это за головорезы такие, похитившие меня и мою очаровательную даму таким наглým образом?» Правильно,

на вашем месте я тоже задавал бы себе этот вопрос. Знаете, Валерий Николаевич, я даже не знаю, что вам ответить... Есть небольшая группа людей, человек семь-восемь, которые не вполне согласны с мнением, что страной должны руководить тупоголовые старики, заседавшие в Кремле. Но ситуация такова, что реальная власть в настоящее время делится примерно семьдесят на тридцать между ними и нами. Мы сильно проигрываем и очень хотим, чтобы в ближайшие пять-семь лет ситуация, как минимум, выровнялась. У нас, как вы понимаете, есть только личная охрана и нет вооруженной до зубов армии, на которую опирается любая власть. Но силовые методы – это не решение вопроса. Людей несколько десятков лет держали под дулом автомата, а пришел один-единственный резидент Запада и за пять лет развалил все! Вот где реальная сила и реальная власть! У нас есть несколько десятков человек в самом верху, но даже все они, вместе взятые, не делают чего-то мало-мальски серьезного. Так, помогают решать отдельные вопросы правовой помощи попавшим в беду товарищам и финансовой подпитки структуры, процентов на тридцать. И на этом помощь с их стороны ограничивается. А старикашки продолжают бездарно проматывать богатства страны, оказывать поддержку каким-то папуасам Ямайки, решившим построить социализм на двадцати квадратных километрах территории острова... Мало ли какие еще глупости придут им на ум!

– Что вы от меня хотите? – Я допил уже вторую подряд рюмку водки и сейчас с удовольствием закуривал крепкую сигарету «Кэмела».

– Ну, кое-что вы уже для нас сделали. Я имею в виду эрзац-дискету.

– Какую дискету?!

– Славгородский оказался гораздо хитрее, чем я о нем думал, – напряженно прищурился мужичок и сделал бармену знак, чтобы тот принес выпить. – Он подсунул Крамскому фальшивку!..

– Что-о-о?! – Мне показалось, что я ослышался. Неужели правда? Выходит, что я рисковал жизнью из-за никому не нужной магнитной пластинки стоимостью один доллар?! Вот так дела...

– Увы, это правда. Предвидя возможные осложнения, профессор изготовил точную копию контейнера, где хранилась программа кодировки, и в конце концов в критический момент всучил ее Крамскому. Вынужден признать, что он провел нас как совершеннейших дилетантов. Потеряй он дискету, все многолетние труды моментально были бы спущены в унитаз. Зато сейчас он может спокойно продолжать работать. И так же, как раньше, господа политики будут думать, что проходят курс восстановления утраченных сил, а на самом деле спецслужбы по-прежнему будут манипулировать ими по своему усмотрению. Кстати, вас, наверное, все прошедшее время занимала одна мыслишка... Так, Валерий Николаевич?

– Не понимаю, о чем вы говорите.

– Неужели вы, хотя бы на минутку, не переставали размышлять, что же это за люди такие, которые предприняли удивительную по дерзости попытку вооруженного захвата «Золотого ручья»? Если вам все еще интересно узнать правду, то...

– Сделайте одолжение, – я непроизвольно подался вперед, не сводя глаз с этого маленького, но необычайно властного человека. Да, такие, как он, должны знать правду.

– А не было никакой попытки захвата! – Сидящий напротив меня человек чуть улыбнулся и медленно покачал головой. – Все это был спектакль... Как только вертолет пропал из поля видимости, возле территории объекта, который, надо отметить, так мужественно защищали ваши парни, не раздалось больше ни одного выстрела. Через тридцать минут они покинули «Золотой ручей», прочесали все окрестности в радиусе двух километров и не обнаружили не только ни одного убитого, но вообще каких-нибудь более-менее серьезных улик, позволяющих идентифицировать нападавших. Никто не знает, кто они были, Валерий Николаевич. Никто...

Я откинулся на спинку кресла и ощутил, как начал дергаться нерв на правой щеке.

— Как вы уже, наверное, догадались, — между тем продолжал собеседник, — Крамской работал на нас. Он был большой фигурой, но все-таки не имел доступа к дискете с программой кодировки. Дискета постоянно хранилась в сверхсовременном электронном сейфе Славгородского, и лишь изредка ее отвозили в Москву, на очередной «сеанс». Тогда на протяжении всего маршрута выставлялась такая охрана, что ни о каком захвате не могло быть и речи. К тому же инструкция гласила, что при реальной опасности попадания программы в руки врагов она должна быть немедленно уничтожена. Но мы очень хотели получить ее!.. И тогда был разработан план, о котором вы уже знаете. Сначала, ради чего пришлось немало потрудиться, «Золотой ручей» полностью отрезали от внешнего мира. Я имею в виду связь, — уточнил мужичок. — Затем проводится максимально приближенная к реальности имитация попытки захвата секретного объекта. Вот почему мы вынуждены были применить «мухи» и уничтожить наблюдательные вышки. Ну а дальше, когда становится совсем жарко и появляются «бэтээры», Крамской врывается к профессору и настаивает на немедленной эвакуации дискеты с программой. Но, видимо, даже перед лицом возможной смерти тому стало жалко расставаться со своим любимым детищем... Так или иначе, но Славгородский имел у себя заранее изготовленную в точном соответствии с оригиналом копию контейнера, в котором обычно хранилась дискета, и без лишних колебаний сразу же отдал ее генералу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.